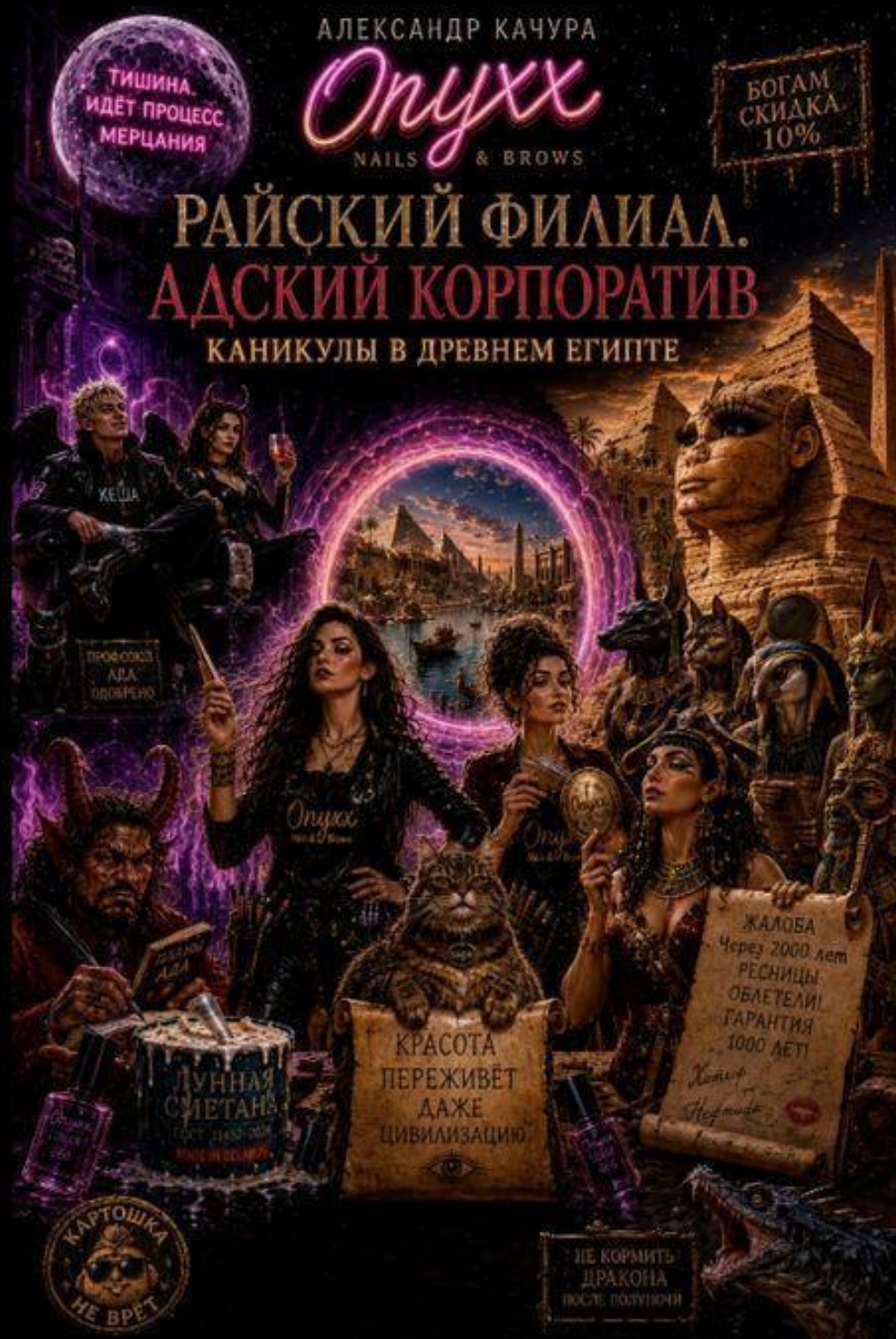

18+

Александр Качура

**Райский филиал. Адский
корпоратив. Египетские каникулы**

«Издательские решения»

Качура А.

Райский филиал. Адский корпоратив. Египетские каникулы /
А. Качура — «Издательские решения»,

Королева вампиров, ведьма, бог подземного царства и кот-профсоюз едут в отпуск в Древний Египет. Но портал глючит, бог хаоса Сет путает эпохи, мумии требуют маникюр, Лариса Петровна проводит налоговую проверку, а сметана — главный стратегический ресурс — конфискована. Третья книга трилогии. Картошка не врёт.

© Качура А.

© Издательские решения

Содержание

РАЙСКИЙ ФИЛИАЛ. АДСКИЙ КОРПАРАТИВ.	7
ПРОЛОГ. ЛУНА. СБОРЫ В ЕГИПЕТ.	7
ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ В ПРОШЛОЕ	14
ГЛАВА 2. ДЖОСЕР И ИМХОТЕП	26
ГЛАВА 3. СТРОЙКА ВЕКА, ИЛИ КАК ПОСТРОИТЬ ВЕЧНОСТЬ И НЕ СОЙТИ С УМА	40
ГЛАВА 4. СФИНКС, ИЛИ «КРАСОТА СПАСЕТ ВЕЧНОСТЬ»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Райский филиал. Адский корпоратив. Египетские каникулы

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0070-3809-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЙСКИЙ ФИЛИАЛ. АДСКИЙ КОРПАРАТИВ. *каникулы в древнем Египте*

ПРОЛОГ. ЛУНА. СБОРЫ В ЕГИПЕТ.

Картошка не врёт, отпуск — тем более.

Луна встречала их привычным, раздражающе-розовым светом. Валера — местное солнце, которое работало на голом энтузиазме, трёх сгоревших лампах и обещании «вот-вот привезут запчасти из Ада», — сегодня не экономил люмены. Он светил так, будто знал, что его скоро оставят одного в этом пыльном кратере «Тихий», и хотел запомниться как лучший осветительный прибор в истории не только Луны, но и всей Солнечной системы. Розовый свет вязким, густым киселём разливался по кратеру, заливал картофельное поле — где клубни уже начали отращивать себе маленькие, но очень зоркие глазки, чтобы следить за курсом сметаны и колебаниями налоговой ставки, — и просачивался в окна гостиницы «Адский покой», заставляя стёкла тихо звенеть от избытка эстетики.

Внутри гостиницы херувимы спали вповалку в корзине из-под сметаны. Они переплелись нимбами и крыльями так плотно, что напоминали один большой пушистый клубок боли, отчаяния и плохо скрываемой надежды на то, что завтра сметаны дадут больше. Клубок во сне вздрагивал, пульсировал и время от времени издавал звуки, похожие на «налоговая», «инспекция», «дебет с кредитом не сошёлся» и «где бланки для отчёта о настроении?». Самый маленький херувим, тот, который вечно норовил приклеиться к потолку на клей «Момент-Космос», во сне улыбался и шептал: «Сметана... бесконечная сметана... и никто её не конфискует...»

Лилит стояла на крыльце ресторана, скрестив руки на груди. Поза её была такой же каменной, как египетские пирамиды, которые ей только предстояло увидеть на фотках Тома. Она смотрела на чемоданы с таким выражением лица, будто каждый из них был лично подписан Ларисой Петровной и содержал внутри не налоговую декларацию, а нечто гораздо более страшное — надежду на то, что её снова оставят одну. Чемоданов было четыре. Четыре. Как четыре стороны света. Как четыре времени года. Как четыре круга ада, которые Люцифер периодически пытался сдавать в субаренду, но никак не мог найти арендаторов, готовых платить сметаной.

Первый чемодан — «Картофельный». Старый, потрёпанный, с выцветшей наклейкой «Осторожно, картошка. Не кантовать. Не кормить после полуночи». Из него доносились приглушённые, ритмичные звуки: кто-то внутри ворочался, читал вслух сводки с биржи, спорил о налогах и периодически произносил фразу «картошка не врёт» на разных языках, включая древнеегипетский, который картошка выучила специально для предстоящего путешествия.

Второй чемодан — «Сметанный». Блестящий, белый, с системой охлаждения, которую Аид спаял из деталей адского котла и старого холодильника «Минск». Чемодан был тяжёлым, холодным и источал аромат, от которого у местных херувимов начиналось неконтролируемое слюноотделение, а у Баюна — нервный тик хвоста. На крышке красовалась табличка: «Сметана. 25% жирности. Стратегический запас. Трогать только в присутствии профсоюза. Профсоюз — это я. Баюн».

Третий чемодан — «Икорный». Матово-чёрный, с золотыми застёжками, которые Лилит лично заклеила клеем «Момент-Космос» после того, как икра в прошлый раз попыталась сбежать через портал на Марс. Чемодан был обмотан цепями с гравировкой «Не трогать, а то порву. Икра». На цепях висел амбарный замок, второй замок, третий замок, а сверху — стикер с надписью «Если вы читаете это, значит, икра уже сбежала. Бегите. Я предупредила». Икра

внутри мерцала золотом, пульсировала и, кажется, обсуждала планы на отпуск с картошкой через вентиляционные отверстия.

Четвёртый чемодан — «Личный ад Тома». Огромный, как небольшой багажник, пёстрый, как минский рынок в субботу утром. Тут лежало всё: пилочки для ногтей, бафы, пушеры, ножнички, пинцеты, три пары специальных ножниц для филировки крыльев (мало ли, встретят ангела), флакон с лунной пылью, запасные банки с клеем «Момент-Космос», инструкция по применению клея «Момент-Космос» на древнеегипетском (переведённая Баюном, с пометками на полях «не нюхать», «не пить», «не пытаться склеить кошку со сметаной»), и, конечно, чайник. Чайник торчал из чемодана носиком вверх, как перископ подводной лодки, и тихонько напевал «Купалінку» — то ли от волнения перед путешествием, то ли от ужаса перед предстоящим погружением в древнеегипетскую эстетику, где его могут принять за божество и начать приносить жертвы.

— Вы уверены, что это не заговор? — спросила Лилит, не оборачиваясь. Её голос звучал как уставший школьный учитель после родительского собрания в классе коррекции для падших ангелов, где родители требовали отменить домашние задания, потому что «это травмирует психику грешников».

— Что именно? — спросил Аид, занятый укладкой картошки.

— Всё это. Отпуск. Египет. Чемоданы. Вы собираетесь улететь, оставить меня здесь одну, с херувимами, которые прячут бланки, и Люцифером, который с ними на одной волне.

— Это не заговор, Лилит, — отозвался Аид, поправляя галстук. Галстук, как всегда, съезжал на левое ухо, когда бог подземного царства нервничал. А он нервничал, потому что картошка в мешке устроила совещание и требовала пересмотра условий транспортировки. — Это побег. Побег из дурдома, который мы сами построили. Добровольно. С надеждой на лучшее. Мы работали. Мы платили налоги. Сметаной. Икрой. Иногда — картошкой. Мы пережили икорный кризис, когда Баюн съел весь стратегический запас под видом «дегустации на профсоюзном собрании». Мы выдержали бунт херувимов, требующих не просто нормированный час обеденного сна, а полноценный восьмичасовой сон с правом на сладкие сны о сметане. Мы заслужили отдых. Неделю. Или две. Или месяц.

— Месяц?! — Лилит резко обернулась.

— Я пошутил. Наверное.

— Ты не умеешь шутить, Аид.

— Это самая страшная шутка, которую я знаю.

— А почему Египет? — Тома вышла из подсобки, прижимая чайник к груди так, будто это был не кухонный прибор, а единственный родственник, который ещё не подал на неё в суд за моральный ущерб. Чайник вибрировал от предвкушения и периодически выпускал струйки пара в форме вопросительных знаков, восклицательных знаков и один раз — в форме фиги. — Почему не Минск? Там сметана дешевле, у меня там скидка в салоне на расходники, и тётя Зина уже соскучилась. Она обещала скидку на оптовую закупку ресниц, если я приведу новых клиентов. А в Египте, я слышала, с ресницами туго.

— Потому что в Минске Лариса Петровна, — пояснил Баюн.

Кот сидел на четвёртом чемодане, пересчитывая банки с лаком для ногтей. Он был сосредоточен, как финансовый аналитик перед крахом мировой экономики, только вместо графиков и диаграмм у него были банки с оттенками «небесная лазурь», «марсианский закат» и «сметанный блеск». Его блокнот, открытый на странице «Стратегические запасы. Не трогать. Особенно тебе, Баюн», лежал рядом, и каждая запись была залита сметаной для конфиденциальности.

— В Минске Лариса Петровна, — повторил Баюн, поднимая палец. — Она там как дома. У неё там кабинет, планшет и запасные бланки для штрафов на случай, если основные закончатся. А в Египте, если верить Аиду, её нет. Там нет интернета. Нет отделений налоговой.

Там даже не знают, что такое «отчёт по форме 4-Б». Там вместо бумаги — папирус. Попробуй взыскать штраф с папируса. Он сгниёт за тысячу лет, и дело закроется само собой.

— В её юрисдикцию пока не входят исторические эпохи, — подтвердил Аид, расправляя плечи с видом человека, который только что выиграл спор с собственной совестью. — У неё повышение. Теперь она курирует Марс. И Луну, разумеется. И ближайшие три галактики — по совместительству. Но Древний Египет — это мёртвая зона для документооборота. Там документы пишут на камнях. Она их физически не поднимет.

— Пока, — подчеркнула Кристина, выходя из ресторана.

Королева вампиров была в своём чёрном фартуке, с пилочкой в руке и выражением лица, которое означало: «Я согласилась на этот бред, но если пирамиды построены не по фэн-шую или Сфинкс окажется без маникюра — я приложу руку к их немедленному сносу. Руку с идеальными ногтями, между прочим». Солнце ей было не страшно. Она была королевой. Королевы не боятся ультрафиолета. Они боятся только двух вещей: плохого маникюра и Ларисы Петровны в плохом настроении.

— Лариса Петровна уже смотрит в сторону прошлого, — Кристина остановилась рядом с чемоданами, окинула их критическим взглядом. — Я вчера слышала, как она в коридоре адской канцелярии диктовала черновик закона об «Акцизах на древние захоронения». Она сказала: «Если мумии не заплатят за пользование саркофагами, мы их выселим».

— Ты пессимистка, — заметил Люцифер, появляясь на крыльце.

Он возник из ниоткуда, как всегда — халат развевается, кружка в руке, дракон на халате нервно мигает в ритме чечётки, а сам Люцифер выглядит так, будто его только что разбудили после трёхтысячелетнего сна и заставили заполнять налоговую декларацию без кофе.

В руке он сжимал кружку с надписью «Лучший падший ангел». Кружка была подарком от самого себя. На обороте мелким шрифтом: «Скидки на муки для членов профсоюза». Дракон на его халате мигал не в ритме чечётки — он мигал в режиме «паническая эвакуация», потому что знал: если герои улетят, Люцифер останется один с херувимами и будет срывать злость на драконе. Дракону это не нравилось. Дракон хотел в отпуск.

— Лариса Петровна уже смотрит в сторону прошлого, — сказал Люцифер, отхлебнув кофе. Кофе был холодным, горьким, как его жизнь после знакомства с налоговой, и имел привкус безнадёги с лёгкой ноткой «а могло быть и хуже». — Она хочет ввести налог на историческое наследие. Она мне вчера звонила. В три часа ночи. Сказала: «Люцифер, почему Сфинкс до сих пор не оплатил аренду участка за последние четыре тысячи лет? Где документы? Где печать? Где подпись?»

— И что ты ответил? — спросила Лилит.

— Сказал, что Сфинкс — каменный. У него нет рук, чтобы подписывать.

— И что она?

— Сказала, что это не освобождает его от налогов. И что она найдёт способ взыскать. С камня. В рассрочку. С процентами.

— Она найдёт, — вздохнула Лилит.

— Она всегда находит, — согласился Люцифер.

Баюн прыгнул с чемодана, отряхнул усы и гордо расправил хвост.

— Пусть ищет, — сказал он. — Мы улетаем. Она не узнает.

— Она узнает, — Люцифер допил кофе, поставил кружку на перила. — Она всегда узнаёт. Это её работа. Как у Валеры — светить. Как у Кристины — делать идеальный френч. Как у нас — паниковать и подписывать бумаги, которые мы не читали, потому что там шестьсот страниц и они написаны на древнешумерском с примечаниями на марсианском.

— Ты паникуешь, — заметила Кристина.

— Я констатирую факты. Паника будет потом. Когда она придёт.

Лилит повернулась к ним. В её глазах отражался розовый свет Валеры — такой ровный, спокойный, обманчивый. Ресница в кармане пульсировала.

— А я? — спросила она. — Я остаюсь? Опять?

— Ты — богиня Луны, — сказал Аид, похлопывая её по плечу. — Богини не уходят в отпуск. У них всегда есть обязанности. Кто-то должен следить, чтобы Валера не перегорел, чтобы херувимы не начали строить из сметаны пирамиды, а Люцифер не подписал случайно договор с Ларисой Петровной на вечные муки.

— Это дискриминация по божественному признаку, — буркнула Лилит.

— Это ответственность, — мягко сказал Аид. — Ты справишься. У тебя есть Люцифер. У тебя есть херувимы. У тебя есть Валера, который никогда не выключается. Даже когда все уходят.

— А если Лариса Петровна прилетит?

— Скажи, что мы уехали в командировку. По вопросам расширения бизнеса. Она любит расширение бизнеса. Она сама нам его предложила. В качестве альтернативы тюремному заключению.

Лилит вздохнула. Глубоко, как перед прыжком в пропасть. В её кармане ресница пульсировала ровно, спокойно, уверенно — как сердце, которое уже привыкло к страху и перестало на него реагировать.

— И куда вы летите? — спросила она. — Конкретно?

— В Древний Египет, — сказал Аид. — III династия. Время строительства пирамид. Эпоха великих фараонов. Там тепло, песок, и нет налоговой.

— Там жарко, — Кристина окинула взглядом свои идеальные ногти. Королева вампиров была готова к чему угодно, но не к египетскому солнцу. — Моя кожа не переносит столько солнца. Я бледнею. А бледность — это уже не вампирский шик, а вид дохлой рыбы.

— А тебе не жарко, — Аид был непоколебим, как скала. — Ты — королева вампиров. У тебя встроенный кондиционер в организме. И вообще, вампиры не горят на солнце. Особенно королевы.

— А мне жарко, — Тома прижала чайник к груди, будто это был единственный источник прохлады во всей этой безумной вселенной. — Я — ведьма. Ведьмы горят на солнце. Не как вампиры, конечно, вампиры просто превращаются в пепел с чувством выполненного долга, а я начинаю пускать дым из ушей. Искриться. Иногда — взрываться по мелочи.

— Возьмём зонтик, — предложил Аид.

— Зонтик не спасёт от египетского солнца. Там солнце — это бог Ра. Он обидится, если я спрячусь под зонтик. Он подумает, что я сомневаюсь в его божественной силе. А сомневаться в боге солнца в Древнем Египте — это быстрое путешествие в мир мёртвых без права на возврат билета.

— Возьмём два зонтика, — не сдавался Аид. — И шляпу. Баюн, ты будешь держать зонтики.

Баюн нервно дернул хвостом. Два зонтика — это было уже слишком.

— Аид, я серьёзно, — сказала Тома.

— Тома, я тоже. Мы будем в тени пирамид. Пирамиды огромные. Пирамиды отбрасывают тень. Настоящую, каменную, древнюю. А в тени — не жарко. И там есть кошки. Много кошек.

Баюн при этих словах выпрямился, как струна. Усы замерли. Хвост перестал дёргаться.

— Кошки? — переспросил он. — Священные?

— В Египте все кошки священные, — авторитетно заявил Аид. — Или почти все. Тех, кто не священные, держат при фараоне. Будут тебя боготворить. Носить на руках. Кормить сметаной из золотых мисок. Будут делать тебе подношения в виде сардинок, валерьянки высшего сорта и маленьких мышек, завернутых в папирус.

— Я передумал протестовать, — сказал Баюн, запрыгивая обратно на чемодан. — Где портал? Я готов. Открывай прямо сейчас, пока я не передумал обратно. Сардинки, сметана, золотые миски — что может быть лучше?

— Подушка, — сказала Лилит.

— Подушка будет.

— Договорились.

— погоди, — Кристина остановила всё это действие одним взглядом. Холодным, вампирским взглядом, от которого у Баюна зачесалась спина. — Мы не всё взяли.

— Что ещё?! — взвыл Баюн. — Картошка есть. Сметана есть. Икра есть. Пилюльки, пинцеты, клей, бафы, ножницы, лунная пыль. Чайник есть. Что ещё нужно для счастья в Древнем Египте?

— Телефон, — сказала Тома, доставая из кармана фартука свой смартфон.

Экран был в трещинах. Память о прошлой проверке, когда Лариса Петровна случайно уронила его на каменный пол, разбирая очередную партию конфискованной сметаны. Телефон работал. С трудом, с хрипом, с молитвами, но работал. На экране была фотка — последняя, которую успела сделать Тома до того, как Лариса Петровна вошла в дверь. На фотке был Баюн. Он спал в корзине со сметаной. Это был компромат.

— Зачем тебе телефон в III династии? — Люцифер уставился на гаджет так, будто тот был живым и пытался его укусить. — Там даже розеток нет. Там вместо интернета — папирус и голуби. Почтовые голуби. Которые иногда не долетают.

— Там есть пирамиды, — ответила Тома, бережно протирая экран. — А на телефоне — фотки пирамид. Фотки, которые я сделала в прошлом году в Египте. В современном Египте.

— Ты была в Египте?

— Была. В тур. Смотрела на пирамиды. И фоткала. Много. Теперь у меня есть доказательства.

— Доказательства чего?

— Того, что пирамиды построили не инопланетяне и не рабы. А мы. Я. Аид. Кристина. Баюн. Ну, или не мы. Но я покажу местным фотки, и они поймут, к чему им стремиться. У них будет визуальный план. Я стану их духовным наставником. Или гуру по дизайну экстерьера. Или просто очень странной женщиной с чайником, которая путешествует во времени и показывает картинки на волшебной доске.

— Это твой план? — Люцифер потёр виски. — Показать египтянам фотки их собственных пирамид, которые они ещё не построили? Ты понимаешь, что это нарушает все законы пространства-времени и налогового кодекса?

— А что? Сработает. Они подумают, что я пророк. Или богиня. Или просто очень странная женщина с чайником, которая путешествует во времени и говорит на непонятном языке, но при этом очень хорошо делает ресницы. В любом случае, меня не сожгут. Сначала проверят, есть ли у меня разрешение на колдовство.

— Она и есть богиня, — заметил Аид, застёгивая четвёртый чемодан. — Высшая ведьма — это почти богиня. Только без налога на божественность и без права на бесплатный проезд в загробном мире.

— А с налогом на ресницы, — добавила Тома. — И на клей. И на использование магической энергии в личных целях. И на чайник. Чайник — отдельная статья.

— Чайник — это культурное наследие, — сказала Кристина.

— Чайник — это орудие преступления, — вздохнул Люцифер.

Чайник на это обиженно засвистел.

Люцифер допил остатки кофе, поставил кружку на перила, поправил халат.

— Ладно, — сказал он. — Летите. Но если не вернётесь через три недели, я отправлю Ларису Петровну на поиски. Она найдёт. Она всегда находит. Она чувствует должников за три парсека, даже если они спрятались в прошлом.

— Это угроза? — спросил Баюн, прижимая к себе блокнот.

— Это обещание, — ответил Люцифер. — И совет. Если увидите Клеопатру — скажите, что я её фанат.

— Клеопатра родится через 2500 лет, — напомнил Аид.

— Я умею ждать, — сказал Люцифер. — Передайте привет. И скажите, что её маникюр вдохновляет меня на подвиги.

— Какие подвиги? — спросила Лилит.

— Подвиг заполнения ежедневного отчёта о настроении херувимов. Это похлеще, чем строить пирамиды. Херувимы устроили заговор. Они спрятали бланки. Я знаю где. В сметане.

— Херувимы не умеют устраивать заговоры, — Тома уже наполовину исчезла в зелёном мареве, которое разверзлось посреди кратера. — Они умеют только пищать, спать и есть.

— Вот именно! Идеальное прикрытие!

Лилит подошла к чемоданам и поправила самый кривой из них. Картошка внутри довольно заурчала, обсуждая стратегию захвата нильских почв с икрой.

— Вы ненадолго? — спросила Лилит.

— Неделя, — сказал Аид.

— Две, — поправила Тома.

— Месяц, — тихо добавил Баюн, но сделал вид, что это не он.

Аид достал из кармана потрёпанную карту. Звёзды на ней постоянно меняли позиции, пытаясь убежать от налоговой, но Аид держал их крепко. На карте красовались пометки Осириса, иероглифы, и одна надпись, сделанная от руки на древнеегипетском: «Сметана — вход бесплатный. Картошка — в подарок».

— Портал готов, — Аид указал на мерцающее зелёное пятно в воздухе. Пятно пахло озоном, древним песком, неисполненными обещаниями и ещё чем-то крокодильим. — Пора.

— Стойте! — крикнул Люцифер. — Я хочу дать напутствие.

— Не надо, — сказали все хором.

— Я всё равно дам.

Люцифер отставил кружку, поправил халат, прокашлялся, подождал, пока дракон на халате перестанет мигать, и торжественно произнёс:

— Не вздумайте там скиснуть без сметаны.

— Это всё? — спросила Кристина.

— А что ещё?

— Напутствие.

— Это лучшее напутствие, которое я знаю.

Аид шагнул в портал, таща за собой мешок с картошкой. Мешок довольно заурчал — картошка одобряла маршрут. Баюн прыгнул следом, прижимая блокнот и зажав под мышкой банку сметаны. Кристина исчезла в мареве с пилочкой наготове. Тома вошла последней, обернувшись, помахала Лилит рукой, в которой держала чайник.

Чайник издал прощальную трель — что-то среднее между «Купалінкай» и «до свидания».

Зелёный портал захлопнулся с хлопком, похожим на звук вылетающей пробки из бутылки очень дорогого шампанского, которое забыли открыть на праздник.

Лилит и Люцифер остались на крыльце. Валера светил, как всегда. Херувимы спали в корзине. Картошка на поле вздохнула, перевернулась на другой бок и тихонько захрапела — ей снилось, что она растёт на берегу Нила и её поливает сам Фараон, а налоговая не приходит, потому что налоговая не знает иероглифов.

— Думаешь, они вернутся? — спросила Лилит.

— Картошка не врёт, — ответил Люцифер, глядя на то место, где ещё секунду назад был портал. — Картошка сказала: «Вернёмся с трофеями». Значит, вернутся.

— А если картошка ошибётся?

— Картошка не ошибается. Это единственное, во что я верю после встречи с налоговой инспекцией Луны.

Они стояли на крыльце, слушали тишину, нарушаемую только храпом херувимов и мерным гудением Валеры.

Где-то в далёком прошлом, в жарких песках Египта, их уже ждали.

Пирамиды — ещё не достроенные. Сфинкс — без маникюра. Боги — без ресниц. Клеопатра — ещё не родилась, но это не мешало ей быть в курсе.

История начиналась.

С чемоданом сметаны, чайником и котом, который знал, что где-то там его ждут золотые миски и священный статус.

Картошка не врала никогда. И сейчас не врала.

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ В ПРОШЛОЕ

Портальная отрыжка, или День рождения, который пошёл не по плану.

Портал выплюнул их на песок с той самой невыразимой брезгливостью, с какой старый, выдавший виды кот извергает на белоснежный ковёр комок шерсти, проглоченный ещё в прошлую пятницу. Кот потом смотрит на тебя с нескрываемым вызовом: «Сам виноват, нефиг было разбрасываться тапками». Зелёное марево, напоминающее по цвету забродивший антифриз, сомкнулось за их спинами с хлопком, который звучал как окончательный отказ банка в выдаче кредита на развитие малого бизнеса в сфере загробных услуг.

В раскалённом воздухе мгновенно повис запах озона, горелой проводки и — внезапно, откуда-то из самых недр временного перехода — отчётливый аромат жареного лука. Лук здесь, в III династии, ещё даже не подозревали как кулинарную единицу, но порталы имели чувство юмора.

Аид приземлился первым, исполнив грациозный пируэт, достойный пьяного аиста. Он был похож на клерка, который только что пытался удержать руками разлетающиеся листы годового отчёта во время урагана в эпицентре торнадо. Мешок с картошкой он прижимал к груди с такой маниакальной нежностью, с какой единственные выжившие в авиакатастрофе прижимают к себе последнего уцелевшего младенца. Младенец, по иронии судьбы, уже успел подать на них в суд за моральный ущерб.

Картошка внутри мешка возмущённо заурчала, перебирая клубнями. Её категорически не устраивала влажность пустыни, температурный режим эпохи Джосера и тотальное отсутствие сметаны в радиусе трёх тысяч лет. Один особо дерзкий, проросший глазками клубень высунулся из мешковины, окинул горизонт презрительным взглядом, издал звук, похожий на лопающийся пузырёк воздуха в болоте, и втянулся обратно. Картошка осознала: цивилизация здесь ещё не доросла до пюре.

— Все живы? — Аид начал отряхивать пиджак. Песок, казалось, обладал зачатками разума — он вгрызался в ткань с упорством, достойным лучшего применения. — Никто не потерял конечности? У меня в контракте с Осирисом черным по белому прописано: «сохранение целостности состава в ходе командировок». Если кто-то потерял палец, хвост или чувство юмора — оформляем отдельно. В трёх экземплярах. С подписью главного бухгалтера Анубиса.

— Я потерял достоинство, — донёсся голос из песка. — И, кажется, левый ус. Требую компенсацию в виде вечного запаса сливок и дипломатической неприкосновенности.

Баюн вывалился из портала следом, кубарем пролетев три метра. Он пересчитал все барханы хребтом, словно играя на ксилофоне, и зарылся мордой в песок с таким влажным звуком, будто кто-то уронил мешок с прокисшими тряпками в чан с гипсом. Кот поднял голову. Его усы теперь были залеплены древнеегипетской пылью — смесью праха несбывшихся надежд, просроченных амбиций и мелких осколков битой посуды всех предыдущих цивилизаций.

— Компенсацию, — просипел Баюн, сплёвывая песок. Голос его звучал как скрип несмазанной двери в подzemелье, где хранятся самые скучные налоговые декларации. — Это был не портал. Это центрифуга. Заправленная прокисшей сметаной и обещаниями, которые никто не собирался выполнять. Я — генеральный директор. Не пробный образец для краш-теста в адских условиях.

— Стандартный межвременной переход, — Аид невозмутимо поправил галстук. Узел сохранял безупречность, несмотря на все законы физики. — Ты просто не держался за блокнот.

— Я держался за него когтями! — взвизгнул Баюн. — Блокнот пытался меня съесть! Открылся на странице «Непредвиденные расходы» и начал засасывать мой хвост в чёрную дыру отчётности. У меня теперь когти забиты песком. В ушах — эхо проклятия, которое наложили на египетских ослов ещё до постройки первой пирамиды.

— Местный колорит, Баюн. Привыкай. Вечность длиннее, чем твои амбиции.

— Я не привыкаю. Я профсоюз.

Кристина вышла из портала третьей. Королева вампиров не позволяла себе кубарем вываливаться из пространственно-временных разрывов, как какой-то мелкий бес. Она вышла так, как выходят из кареты прямо в грязь, делая вид, что это лучший асфальт Европы, просто слегка модернизированный.

В одной руке она держала чемодан со сметаной. В другой — пилочку для ногтей. Чемодан был тяжёлым, как совесть чиновника, но Кристина несла его так, будто внутри лежала её личная коллекция побед над здравым смыслом.

— Пустыня, — констатировала она. Горизонт не вызывал у неё ничего, кроме профессионального отвращения к антисанитарии. — Песок. Жара. Отсутствие нормального кофе. И где обещанный день рождения?

— Вон там, — Аид махнул рукой. — Где-то на краю небытия.

Вдалеке, там, где небо плавилось от жары и сливалось с песком в одну бесконечную линию, виднелись огни. Сотни. Тысячи. Факелы, костры, светильники из костей верблюдов и масла, источающие запах приключений и катастроф. А среди них — силуэты. Нечеловеческие. Огромные. С головами животных, с крыльями, с жезлами, которые светились в темноте, как рекламные вывески казино в Лас-Вегасе.

— Храм, — пояснил Аид. В его голосе проскользнула нота ностальгии. — Анубис празднует юбилей. Раз в тысячу лет. Я обещал заехать триста лет назад. Но налоговая проверка. Сам понимаешь.

— Ты триста лет не был на дне рождения у брата? — уточнила Тома, вылезая из портала последней. Чайник она прижимала к груди — единственный предмет, знающий правду о мироздании. Чемодан с ресницами и клеем волочился за ней, оставляя в песке глубокую борозду. След от падения метеорита. — Аид, это не семья. Это соседи по вечности, которые друг друга не переваривают.

— У нас у всех вечность. Мы не торопимся. Жизнь — просто длинная очередь в налоговую.

— Ты тормозишь. Безнадёжно.

Тома выпрямилась, отряхнула фартук. Чайник в её руках тихонько запел — «Купалінку», но с отчётливыми египетскими нотками. Акклиматизировался. Начал впитывать местную экзотику.

Портал за их спинами закрылся с последним, прощальным всхлипом. Тишина. Только ветер гонял песок. Где-то вдалеке играла музыка. Арфы. Барабаны. Флейты. Древняя, тягучая, гипнотическая. Под неё даже камни начинали разлагаться от скуки.

— Красиво, — сказала Тома. — Почти как в филармонии перед концертом, который никто не хотел слушать.

— Анубис нанял лучших музыкантов, — ответил Аид. — У него вкус лучше, чем у меня.

— У тебя нет вкуса. У тебя халат с драконом и привычка опаздывать на триста лет.

— Это наследие, Тома. Не путай меня с обычным хаосом.

Они пошли к огням. Песок скрипел под ногами, как зубы старого жреца. Чайник затих, вслушиваясь в ритмы храма.

Храм оказался колоссальным. Колонны уходили вверх, теряясь в темноте, — пытались проткнуть небосклон. Между ними — алтари, статуи, жрецы в белых одеждах. Жрецы метались по храму, как муравьи после вторжения сахарной ложки. И музыка. И запахи — благовония, вино, жареное мясо, свежий хлеб и что-то ещё, что Аид назвал «божественным присутствием», а Тома — «пиром на костях, который забыли убрать».

В центре всего этого великолепия, на троне из чёрного базальта, сидел он.

Анубис. С головой шакала, с телом человека, с золотыми весами в одной руке и бокалом вина в другой. Рядом с ним — другие боги. Тот с головой ибиса. Гор с головой сокола. Сехмет с головой львицы. Бастет — с кошачьей головой и лукавой, почти хищной улыбкой. И множество других, которых Аид называл походя, не останавливаясь, — будто они были старыми приятелями из соседнего подъезда.

— Анубис! — крикнул Аид, размахивая мешком картошки как знаменем. — С днём рождения! Мы привезли подарки из будущего!

Анубис поднял голову. Его глаза — жёлтые, вертикальные, светящиеся, как светодиоды в темноте — уставились на приближающуюся процессию. Он медленно отставил бокал.

— Аид? — спросил он. Голос звучал как скрежет саркофага, открываемого после тысячелетнего сна. Внутри кто-то настойчиво пытался постучать. — Ты приехал?

— Обещал же. Триста лет назад.

— А я думал, ты шутишь. С тобой шутки всегда заканчиваются либо катастрофой, либо налоговым вычетом.

— Боги не шутят про дни рождения. Закон. Конституция вечности.

— С каких пор?

— С сегодняшних. Принял, пока мы шли по барханам.

Анубис спустился с трона. Высокий. Очень. Его тень накрыла героев целиком. В тени было холодно, как в холодильнике, где полгода забыли курицу.

— Кто это с тобой? — разглядывал Кристину, Тому и Баюна как экспонаты, сбежавшие из музея курьезов. — Почему от них пахнет луком и неуплаченными отчётами?

— Друзья, — ответил Аид. — Кристина. Королева вампиров. Не пьёт вино, если оно не выдержано в веках. Не кланяется, если нет настроения.

Кристина кивнула. Не поклонилась. Королевы вампиров не кланяются. Даже перед богами смерти. Плохо сказывается на осанке.

— Тома. Высшая ведьма. Мастер по ресницам, клею и восстановлению разрушенной веры в себя.

Тома помахала чайником. Чайник пискнул. Сказал что-то обидное про состояние здешней энергетики.

— А это Баюн. Генеральный директор. Председатель профсоюза. Хранитель главного блокнота, в котором записаны все ваши огрехи.

Баюн выпрямился, расправил усы. В них всё ещё блестел песок.

— Приятно познакомиться, — голос его звучал как стук печатной машинки. — У вас тут есть сметана? Или мне подавать жалобу в международную инспекцию по защите прав котов?

Анубис моргнул. Несколько раз.

— Сметана? — эхо разнеслось по колоннам храма. — Это какой-то новый вид жертвоприношения?

— Молочный продукт. Жирный. Вкусный. Белый. Густой. Пахнет так, что у богов текут слюни.

— У нас есть вино. Лучшее из виноградников Нила.

— Вино — не сметана. Вино — способ забыться. Сметана — способ жить.

— У нас есть пиво, — пискнул кто-то из жрецов, выглядывая из-за колонны.

— Пиво — тем более не сметана. Это вода с дрожжами. Требую инвентаризацию запасов.

— У нас есть кровь, — вставил кто-то из малых богов, решив, что это уместно.

Баюн посмотрел на Кристину.

— Тебе, — сказал он. — Аперитив.

— Я в отпуске, — Кристина достала из чемодана термос с гравировкой «Не трогать, убьёт». — Кровь пью только по праздникам.

— Сегодня праздник.

— Считай, повезло.

Анубис подошёл ближе. Глаза сузились.

— Ты пьёшь кровь, — указал на термос. — Это моя работа. Посягаешь на мою юрисдикцию?

— Это работа, — ответила Кристина. — А маникюр — призвание.

— Маникюр?

Анубис посмотрел на свои когти. Грязные. Длинные. Желтоватые. С заусенцами, которыми можно вспахивать небольшое поле.

— Это то, что делают с ногтями? Зачем?

— Это делает тебя не просто богом смерти. А богом смерти, на которого хочется смотреть. Представь: взвешиваешь сердце умершего. Он смотрит на твои когти и думает: «Какой неряшливый бог. Может, лучше в рай? Там маникюрные салоны есть».

Анубис замер. Посмотрел на руки. На Кристину. На Аида.

— Аргумент, — сказал он. — Убедительный. Но не вздумай прикасаться к моему скальпу.

Тома тем временем раскладывала подарки на жертвенном алтаре. Сметана — в глиняном горшочке, найденном в портале. Икра — в стеклянной банке, сияющей на свету. Картошка — в мешке, который вёл себя подозрительно тихо. Готовил побег. Пилочки, пинцеты, клей — в кожаном свертке. Разложены по порядку. Как хирургические инструменты.

— Это тебе, — поставила всё к ногам Анубиса. — Гуманитарная помощь.

— Что это? — Анубис наклонился, принялся. — Картошка? Она живая?

— Она не врёт, — сказал Аид. — Главная характеристика. В отличие от любого жреца в этом зале.

— Что с ней делать?

— Сажать. Поливать. Собирать. Есть. Со сметаной. И икрой. И ты поймёшь, почему люди умирают.

— Почему?

— Чтобы попасть в загробный мир. Там с едой проблемы. Если не привезти с собой.

Анубис посмотрел на подарки. Потом на Аида. Потом на Кристину и Тому.

— Вы странные, — сказал он. — Слишком. В моих архивах нет записей о таких богах.

— Мы не боги, — ответила Кристина. — Мастера красоты. В отпуске. Странность — часть программы. Заплатили нервами.

— Добро пожаловать в Египет. Только просьба: не портите праздник. И если эта картошка начнёт разговаривать — не слушайте её.

— Не испортим, — пообещал Аид. — Мы здесь, чтобы навести порядок. Не хаос. Хотя иногда порядок выглядит как хаос. Это диагноз.

Чайник запел. Громко. Чисто. Празднично. От его мелодии у одного из жрецов выпал кубок. У другого — челюсть.

— Что это? — Анубис указал на чайник. — Тоже живое?

— Чайник, — ответила Тома. — Поёт. Когда ему хорошо.

— Зачем?

— Чтобы поднимать настроение. У всех. Даже у богов смерти.

Анубис прислушался к мелодии. Жёлтые глаза стали чуть мягче.

— Пусть поёт, — сказал он. — Сегодня можно всё. В конце концов, раз в тысячу лет я имею право на что-то кроме бесконечного подсчёта грешников.

Он поднял бокал. До краёв полный чего-то густого и тёмного.

— За день рождения!

— За день рождения! — подхватили боги, жрецы, музыканты.

Даже картошка в мешке издала одобрительный звук. Похожий на мурлыканье.

Праздник начался.

Никто ещё не знал, что это не просто праздник. Это был конец эры грязи. И начало эры идеальных ногтей.

Языковой барьер и ведьминская дипломатия.

Праздник гремел. Боги пили, жрецы суетились, музыканты выжимали из арф такие звуки, будто пытали кошек. На звуки боги не обращали внимания — привыкли к вечности, где крики грешников звучат музыкальнее. Анубис вернулся на базальтовый трон и разливал вино из кувшина, подключённого к бездонному резервуару вселенской тоски. Уровень напитка не падал, сколько бы жрецы ни пили.

Чайник в руках Тома окончательно вошёл в раж. Он подпевал флейтистам на языке, напоминающем смесь древнешумерских проклятий и сигналов SOS с тонущего парохода. Жрецы косились на него с ужасом. Один упал в обморок. Его унесли.

Кристина стояла в стороне, прислонившись к колонне. Она делала то, что умела лучше всего: оценивала качество бытия с позиции королевы вампиров. Таких грязных ногтей она не видела даже в минском метро в час пик.

— Тома, — прошептала она. — Ты видишь это?

— Что именно? — Тома пыталась утихомирить чайник, который начал солировать. — Тут боги на каждом шагу. От их золота в глазах рябит.

— На их ногти. У Анубиса под когтями можно найти частицы истории Джосера. У Тота ногти обкусаны так, будто он ими перегрызал цепи реальности. У Гора заусенцы размером с оазис. А Бастет... она кошка, богиня кошек, она должна быть эталоном! А у неё ресницы такие редкие, будто их выщипывали в знак протеста против политики фараона.

Тома присмотрелась.

— О боги, — выдохнула она. — Это гуманитарная катастрофа. Это даже не уровень «неделя после дедлайна». Это уровень «каменный век не знал слова „гигиена“».

— Как они смотрят на мир, когда у них заусенцы цепляются за свитки судеб?

— Они не знают эстетику. Они знают смерть, налоги, урожай и лень.

— Значит, мы покажем им свет, — Кристина достала пилочку. — Свет от моей лампы для сушки шеллака.

— Подождите, — Баюн сидел на чемодане, методично вылизывая лапу. — Мы только приземлились. В контракте на отпуск прописано: никакой работы, никаких заказов, никаких попыток исправить мироздание с помощью пилочки. У нас профсоюз.

— Ты — профсоюз, — холодно ответила Кристина. — Ты в меньшинстве.

— Я — председатель! — Баюн с достоинством открыл блокнот. Страницы были изрисованы каракулями, похожими на налоговые графики. — Я запрещаю. Это нарушение трудового кодекса божественного царства.

— Баюн, если ты не перестанешь ныть, я использую твой хвост как кисточку для дизайна, — Кристина даже не повернулась.

Баюн вздохнул и демонстративно записал в блокнот: «Пункт 1. Королева вампиров планирует несанкционированное вмешательство в эстетику пантеона. Пункт 2. Ведьма соучаствует. Пункт 3. Профсоюз требует двойную порцию сметаны за молчание».

Подожёл Аид. В одной руке он держал кубок с фиолетовым дымом, в другой — мешок картошки. Картошка привыкла к празднику и тихонько постукивала клубнями о дно мешка в такт музыке.

— Вам нравится? — Аид обвёл рукой зал. Тот пытался научить жреца считать на пальцах. Ногти жреца были длиннее, чем у самого Тота.

— Ногти ужасные, — отрезала Кристина.

— Ресницы — оскорбление самой идеи взгляда.

— Брови — политический скандал. Если боги в таком виде покажутся подданным, начнётся восстание. Люди поймут, что боги — обычные неряхи.

Аид посмотрел на свои руки. Потом на руки Анубиса, который небрежно крутил золотой жезл, оставляя на нём грязь.

— Да, — согласился Аид. — Но для них это норма. Ногти — инструменты для копания земли и разрывания жертв. Никто не думает, что ими можно восхищаться.

— Значит, мы изменим норму. Сделаем красоту обязательной.

— Вы в отпуске.

— Отпуск — состояние души, а не отсутствие деятельности. Мы не работаем. Мы занимаемся благотворительностью.

— А если они обидятся? У Анубиса собачья голова и зубы, способные перекусить мой контракт.

— Ты скажешь, что это подарок. День рождения. Подарок нельзя вернуть, если он уже нанесён на ногти.

Аид посмотрел на Анубиса. Тот громко спорил с Тотом, кто главнее в загробной бухгалтерии.

— Ладно, — выдохнул Аид. — Но я вас не знаю. Если Анубис решит, что вы его оскорбили, я первым скажу, что видел вас впервые.

— Договорились, — улыбнулась Кристина.

Она подошла к Тоту, открыла рот, чтобы объяснить, что такое кутикула. Тот смотрел на неё с глубочайшим непониманием.

— Аид! — рявкнула Кристина. — Ты забыл перевести! Он смотрит на меня как на говорящий труп!

— Я не могу переводить каждый твой заусенец! У меня картошка вянет!

— Тогда пусть Тома колдует!

— Не колдую на голодный желудок, — Тома сердито тряхнула чайником.

— Пусть чайник колдует!

Чайник, почувствовав угрозу, издал вопросительный, почти жалобный свист. Тома вздохнула, поставила его на песок, погладила по теплему боку. Прошептала формулу, от которой у Баюна встал дыбом каждый волос на спине.

Чайник вспыхнул фиолетовым светом. Серебряные искры посыпались из носика, как перхоть у бога грома. Он запел не «Купалінку», а нечто тягучее, потустороннее, лингвистически совершенное.

Боги замерли. Анубис отставил бокал. Бастет перестала расчёсывать шерсть. Тот уронил папирус.

— Что это? — спросил Анубис.

— Заклинание всепонимания, — ответила Тома. — Лингвистическая вакцина. Действует до заката. Будете понимать нас. А мы — вас.

— И пахнет сметаной, — заметила Бастет.

— Побочный эффект, — сказала Тома. — Магия без сметаны — не магия.

Облако фиолетового пара окутало храм. Боги чихали. Жрецы протирали глаза. Баюн чихнул искрами, сжёг кончик хвоста и попытался записать событие. Карандаш превратился в пучок укропа.

Когда пар рассеялся, мир зазвучал иначе.

— Ты говоришь на моём языке, — сказал Анубис Томе.

— И ты говоришь на моём. Удобно, правда?

— Это так странно. И пахнет... едой.

— Это запах прогресса, — ответила Тома. — Теперь ты понимаешь, почему твои когти — это фиаско?

Анубис посмотрел на руки.

— Ты можешь сделать их красивыми? — спросил он почти шёпотом, чтобы жрецы не услышали.

— За сметану — всё что угодно, — сказала Кристина.

— У нас есть сметана? — Анубис обратился к жрецам.

— У нас только вино, — пролепетал старший жрец.

— Значит, будет сметана. Она обязана появиться в храме до рассвета.

Баюн записал: «День рождения Анубиса. Языковой барьер пал. Чайник — гений дипломатии. Боги заинтригованы. Сметана становится валютой будущего. Профсоюз требует 15% от каждой банки».

Кристина убрала пилочку.

— Сначала праздник, — сказала она. — Потом — работа. А сейчас кто-нибудь, подайте мне нормального вина. Не эту муть, которую вы называете напитком богов.

— Ты сказала «работа»? — уточнил Баюн.

— Сказала. И это не обсуждается.

— Профсоюз подаст иск в международный суд по правам котов.

— Подавай. Иск отправишь прямо в Ад. Аид рассмотрит.

Аид вздохнул, потянулся за кувшином и понял: этот вечер переставал быть томным. Он превращался в быути-революцию.

Праздник продолжался. Но теперь каждый бог тайком поглядывал на свои когти. Они чувствовали себя ужасно неухоженными существами.

Кризис среднего возраста королевы и «песчаная» дипломатия.

Кристина стояла у колонны, вцепившись в холодный песчаник. Будто это была её единственная связь с цивилизацией, где существует понятие «увлажняющий крем».

Праздник гремел вокруг. Он напоминал сюрреалистический фильм, снятый на просроченную киноплёнку. Цвета — ядовитые. Музыка — навязчивая. А песок... песок был везде. Он просочился в ткань платья, забился в декольте, осел в складках фартука. Казалось, он даже начал менять химический состав вампирской крови. Кристина чувствовала себя не вечной хищницей. Очень уставшей, очень пыльной женщиной, которая хочет пристрелить всех этих богов. Лишь бы в пустыне воцарилась тишина.

— Я хочу домой, — сказала она. Голос звенел сталью, закалённой в минских холодах. — В салон. Где есть кондиционер. Нормальные стулья с кожаной обивкой. Стерильные инструменты. Где гигиена — не ругательство, а стандарт.

— У нас нет кондиционера, — напомнила Тома. Она сидела на чемодане, массируя отекавшие ноги. — Есть Валера.

— Валера — это свет. А кондиционер — холод, блаженство, покой. Того, чего у меня нет с момента, как мы шагнули в портал.

Баюн дремал на чемодане рядом. Приоткрыл один глаз.

— Если вы начнёте ныть про бытовые условия, я запишу вас в профсоюзный список «Девочки, которым не хватает комфорта». Бюрократия в профсоюзе работает медленнее, чем гниение мумии. Это займёт вечность.

— Не начинай, — отрезала Кристина.

— Я напоминаю. Профсоюз не любит нытиков. Профсоюз любит, когда у кота есть сметана. А у директора — личный кабинет с видом на Нил.

Тома посмотрела на свои руки. На пилочку, блестящую в свете факелов как оружие возмездия. На чайник, который посапывал на песке, издавая звуки, похожие на храп пьяного сантехника после смены.

— Знаешь, — сказала она, — я думала, Египет — это величие. Пирамиды, золотые маски. Клеопатра, пьющая жемчуг.

— А на деле? — Кристина огляделась.

Какой-то жрец пытался съесть оливку. Уронил в песок. Поднял. Обтёр об себя. Отправил в рот. Крестину передёрнуло.

— Песок. Боги с головами животных. Они ведут себя как подростки на вписке. Жрецы смотрят на нас так, будто мы принесли им налоговое уведомление.

Группа жрецов сбилась в кучу, как напуганные овцы. Они косились в сторону чайника.

— Что это за артефакт? — шептал один.

— Чайник, — отвечал другой с религиозным ужасом.

— Поёт?

— Поёт.

— Колдовство?

— Не знаю. Но пахнет от него так, будто там спрятана вся сметана мира. Не подходите. Они опасны. У них блестящие палки. Могут выколоть глаз самому Амону.

Кристина усмехнулась. В смешке было больше яда, чем в укусе кобры.

— Мы опасны? У нас пилочки. У них — когти, которыми можно вспарывать животы динозаврам.

— Они боятся того, чего не понимают, — сказал Аид, подходя с подносом. Оливки, хлеб, твёрдый как фундамент пирамиды. Козий сыр, который выглядел так, будто сам пытался сбежать. Картошка в мешке заурчала — низко, утробно, похоже на ворчание голодного демона. — Это закон мира. Как налоги в вашем. Всегда будут, всегда бесят. Никуда не деться.

— Ты сравнил жрецов с налогами? — удивилась Тома.

— Да. И те, и другие портят настроение. Требуют подношений. Лезут не в свои дела.

— Мы это запишем в журнал нарушений, — Баюн открыл блокнот. — «Аид оскорбил чувства жрецов и здравого смысла». Профсоюз осуждает и требует икры.

Кристина взяла оливку. Попробовала. Выплюнула.

— Солёная. Сухая.

— Это Египет, — ответил Аид. — Здесь всё солёное. Даже боги.

— Анубис не солёный, — заметила Тома. — Он просто мрачный.

— Анубис — бог смерти. Обязан быть мрачным. Имидж. Бренд.

— Его образ мог бы быть мрачным и с чистыми когтями, — Кристина не сдавалась. — Если он хочет, чтобы его боялись, должен выглядеть так, чтобы в гроб ложились с эстетическим удовольствием.

— Опять ты про когти.

— А что мне про них говорить? Грязные. Это не божественно. Это антисанитарно.

Кристина прислонилась к колонне. Внутри просыпалась жажда порядка в хаотичном мире.

— Тома, мы уже час обсуждаем чужие ногти. У меня голова болит.

— У меня от жары.

— У меня от жрецов.

— У меня от песка, — сказал Баюн.

— У тебя усы в пыли, — ответила Кристина. — Выглядишь как половая тряпка.

— Это не пыль. Древнеегипетская патина. Я — антиквариат.

Они помолчали. Музыканты играли монотонно, вводя в состояние кататонии. Анубис спорил с Тотом о весе сердца. Переходил на личности.

— Слушай, — сказала Кристина Томе. — Давай просто посидим. Посмотрим, как они сами себя изведут. Мы в отпуске. Пусть ходят с когтями-лопатами. Не наша вина.

Тома посмотрела на свои руки. На идеально подпиленные ногти. Потом на Тота, который в этот момент пытался очистить коготь о зубы. Её передёрнуло.

— Хорошо. Сидим. Пусть живут в грязи.

— А я? — спросил Баюн.
— Ты тоже сиди. Не вздумай ничего записывать.
— А если кто-то попросит сметану?
— Скажи, что её съели боги.
Чайник вздыхал во сне. Картошка в мешке играла в карты на выживание.
— Можем просто уехать, — шепнула Тома. — Вернуться на Луну.
— Можем, — согласилась Кристина. — Но если я оставлю бога смерти с такими когтями, это будет мой личный ад.
Анубис поднял бокал.
— За чужеземцев! — прогремел он.
— За чужеземцев! — подхватили боги. Не понимая, что подписали приговор своему привычному миру.
— Нас заметили, — Тома сжала пилочку.
— Что делаем? — Аид приготовился к худшему.
— Улыбаемся, — Кристина холодно оскалилась. — Это будет самый кровавый маникюр в истории Египта.

Баюн вывел в блокноте: «Нас заметили. Профсоюз фиксирует начало быоти-оккупации. Сметана должна быть защищена».

БОЖЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ТРАГЕДИЯ ГЯЗНЫХ КОГТЕЙ

Анубис спустился с трона.

Это было событие, граничащее с тектоническим сдвигом. Обычно он не спускался. Зачем? Трон удобный — вытесанный из цельного куска базальта, холодным прикосновением напоминает о бренности всего сущего. Весы правосудия под рукой. Кувшин с вином, не знающим дна, — тоже. Но сегодня воздух в храме стал другим. Наэлектризовался. Перестал пахнуть исключительно тленом и благовониями.

Приобрёл отчётливый, почти вызывающий аромат сметаны.

И ещё чего-то, что Анубис не мог классифицировать. Любопытства. Смешанного с лёгким запахом офисной оргтехники. И, кажется, укропа. Он не знал, что такое укроп, но он был — вьедливый, настойчивый, пахнущий будущим.

Анубис подошёл к группе чужеземцев. Они сбились у колонны, как стайка экзотических птиц, залетевших не в ту эпоху. Внезапно обнаруживших, что здесь не кормят, не поят, а жрецы смотрят на них как на налоговую проверку.

Его тень накрыла всех. В тени было холодно. Той специфической, пробирающей до костей прохладой, которая бывает только в склепе. Где дверь закрыли пару тысяч лет назад. И ключи забыли на самом видном месте.

— Аид, — голос бога смерти звучал как скрежет камня о камень. — Объясни мне. Кто эти существа? Почему от них пахнет луком, магией, странным металлом и... о, великий Осирис... неуплаченными налогами?

Аид сделал шаг вперёд. Невольно прикрыл собой Тому. Мешок с картошкой за его спиной возмущённо заурчал, требуя права голоса.

— Это друзья, брат. Я же говорил. Кристина. Королева.

Анубис перевёл взгляд на вампиршу. Кристина кивнула.

Не поклонилась.

Королевы вампиров не кланяются. Даже если перед ними стоит воплощение финала жизненного пути. Плохо сказывается на осанке. А сутулая королева — уже не королева. Просто графиня в изгнании.

— Королева? — Анубис переспросил. В его голосе прозвучало нечто среднее между скепсисом и профессиональным интересом патологоанатома. — У тебя есть королевство?

— Есть. Луна.

— Луна? — Анубис поднял голову, рассматривая бледный диск. — Это где-то в верховьях Нила?

— Дальше, — отрезала Кристина. — Но мы прилетели не оттуда.

— А откуда?

— Из Минска.

— Никогда не слышал о таком номе.

— Это царство Бюрократии, Анубис. И поверь, их налоговая работает быстрее твоих жрецов.

Анубис не понял. Решил не уточнять — не терять божественного лица. Перевёл взгляд на Тому.

— А это?

— Тома. Высшая ведьма.

Аид выделил каждое слово. Словно представлял коронованную особу.

— Ведьма? — Анубис прищурился. Жёлтые глаза светились, как огни в тумане. — У нас в Египте ведьм нет. У нас есть жрецы, оракулы и те, кто делает вид, что умеет вызывать дождь за пять корзин зерна.

— Теперь есть, — ответила Тома. Выпятила грудь. — Я приехала. У меня есть связи с потусторонним миром и вот этот чайник.

Чайник, услышав своё имя, издал короткий, торжественный свист. Эхом разнёсся по храму. Заставил пару летучих мышей в панике сменить траекторию полёта. Одна врезалась в колонну. Вторая сделала вид, что так и задумано.

— Что это за визгливое устройство? — Анубис опасливо ткнул когтем в бок чайника.

— Артефакт, — ответила Тома, погладив чайник по крышке. — Поёт. Лечит нервы. Иногда варит чай.

— Чай? — Анубис разочарованно уставился на ведьму. — Напиток из трав?

— Да.

— У нас есть пиво из брошенного в чан хлеба. Это мужской напиток. А это... это для тех, кто боится смерти.

— Мне не нужно ничего успокаивать, — отрезал Анубис. — Я — бог смерти. Я — тот, кто успокаивает всех.

— Тогда будем считать, что он поёт для настроения. У вас тут слишком мрачно.

Анубис с сомнением посмотрел на чайник. Чайник в ответ издал звук — очень похожий на издевательский смешок. Анубис перевёл взгляд на чемодан. На котором сидел Баюн.

Кот выглядел так, будто только что закончил аудит всей вселенной. Остался крайне недоволен цифрами.

— А это? — спросил бог. — Это что за пушистое недоразумение?

— Баюн, — сказал Аид. — Генеральный директор. Председатель профсоюза. Хранитель Главного Блокнота, в котором записаны все ваши грехи. Включая те, о которых вы ещё не догадываетесь.

Баюн выпрямился. Расправил усы. В них всё ещё блестел песок III династии. Кот посмотрел на Анубиса сверху вниз — как директор на нерадивого стажера.

— Приятно познакомиться, — сказал он. — У вас тут есть сметана? Или мне подавать официальную жалобу в международную инспекцию по защите прав котов? За ненадлежащие условия пребывания делегации.

Анубис моргнул.

— У нас есть вино.

— Вино — не сметана.

— Пиво.

— Тем более.

— Кровь.

— Это к Кристине. У меня другие предпочтения. Молочные.

Анубис посмотрел на Аида.

— Странные у тебя друзья, — сказал он. — Требуют продукты, которые не приносят в жертву. Рассуждают о налогах, как будто сами собирают зерно.

— Лучшие, — ответил Аид.

— Они умеют что-то кроме разговоров? Могут созидать?

— Умеют, — вступила Кристина. Открыла чемодан. Внутри блеснули металлические инструменты. — Я делаю маникюр. Тома — ресницы и брови. Мы — архитекторы человеческой красоты.

— Маникюр? — Анубис посмотрел на свои лапы. Когти были покрыты налетом вечности. Пылью. И, кажется, остатками чьего-то вчерашнего сердца.

— Это то, что делают с ногтями, — терпеливо объяснила Кристина. — У тебя они в ужасном состоянии.

— Я бог смерти! — рявкнул Анубис так, что колонны дрогнули. — Мои когти должны пугать! Должны внушать трепет!

— Они внушают трепет, — кивнула Кристина. — Другого рода. Ты хочешь, чтобы умерший смотрел на твои руки и думал: «О боже, какой ужас, меня взвесят на весах истины этим грязным инструментом»?

— Или чтобы он думал: «Какая неряшливость, может, я лучше в рай пойду?» — подхватила Тома. — «Там хотя бы сервис получше».

— Мы работали в сфере обслуживания, — добавила Кристина. — Поверь, клиент всегда обращает внимание на гигиену.

Анубис задумался. Взвесил аргумент. Потом посмотрел на свои когти. Потом на Кристину — которая достала пилочку и начала профессионально чистить её о рукав.

— И ты можешь это исправить? — спросил он.

— Могу. Но это будет стоить сметаны. Качественной. Жирной. Натуральной.

— А когда?

— Сегодня — праздник. Завтра — работа.

— А когда будет сметана?

— Когда вы её принесёте.

Анубис повернулся к жрецам. Жрецы замерли в ужасе, пытаясь понять, что такое «сметана». Где её взять, если в Египте её никто не видел? И почему она важнее душ умерших?

— Сметану! — рявкнул Анубис. Голос его прокатился по храму, заставив задрожать колонны. — К утру! Иначе вы будете взвешивать сердца друг друга без весов!

Жрецы в панике разбежались. Как тараканы при включенном свете.

— Ты напугал их до полусмерти, — заметил Аид.

— Они сами виноваты, — ответил Анубис. — Не умеют обеспечивать богов необходимыми продуктами.

— Сметана — это не продукт, — сказал Баюн. — Это философия. Это образ жизни.

— Это клей, — добавила Кристина. — И увлажнение. И питание. И кайф.

— Кайф? — Анубис нахмурился. — Это какой-то новый вид жертвоприношения?

— Это когда тебе хорошо, — объяснил Баюн. — Когда кот сыт, а ногти чисты.

Анубис потрогал свои когти. Почувствовал пыль. Ему вдруг стало неудобно. Дискомфортно. Почти по-человечески.

— Ты не представил меня, — сказал вдруг Баюн, обращаясь к Аиду.

— Представил.

— Ты сказал «пушистое недоразумение». Это не должность. Это оскорбление.

— Это характеристика, — ответил Аид. — Объективная.

— Профсоюз подаст жалобу.

— В Ад?

— В налоговую. У них есть опыт.

Анубис посмотрел на кота с новым интересом.

— Он всегда такой? — спросил он Аида.

— Всегда.

— И как ты с ним живёшь?

— Я не живу с ним. Он живёт у меня. Это разные вещи.

— Профсоюз это обсудит на ближайшем собрании, — Баюн записал что-то в блокнот.

Анубис вернулся на трон. Но теперь он постоянно поглядывал на свои когти. Чувствовал себя неуютно. Дискомфортно. Почти как живой.

Аид вздохнул.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь вы официально здесь. Уже требуете сметану. Хотя представляете, что они будут делать? Её начнут искать по всему Нилу. Перепугают всех крокодилов.

— А что мы должны были делать? — спросила Кристина, убирая пилочку.

— Молчать.

— Можно было просто пить вино и кивать, — добавил Аид.

— Вино без закуски — это алкоголизм, Аид.

— А маникюр — искусство.

— Вот именно, — сказала Тома. — Мы несём искусство в массы.

— В массы богов?

— В массы всех. Искусство не должно знать границ. И налогов. Но это другое.

Чайник издал одобрительный свист.

Где-то в глубине храма слышались крики жрецов. Кто-то пытался допросить корову о том, что такое «сметана». Кто-то рылся в запасах вина в поисках молочных продуктов. Кто-то просто молился — всем богам сразу, включая чужих.

— Мир III династии начал меняться, — сказала Тома, глядя на панику.

— И началось всё, — добавила Кристина, — с желания одной вампирши привести в порядок когти бога смерти.

— И с кота, — напомнил Баюн.

— И с кота, — согласилась Кристина.

Чайник запел. Тихо, торжественно, похоронно-победно.

Анубис на троне покосился на свои когти. Ему уже было не до праздника. Ему было до завтра — когда придёт эта странная вампирша со своими железками. И сделает его красивым. Насколько это вообще возможно для бога с головой шакала.

ГЛАВА 2. ДЖОСЕР И ИМХОТЕП

Знакомство с Джосером, или Почему фараоны боятся маникюра.

Праздник в храме Анубиса всё ещё гремел. Но энтузиазм участников напоминал затухающие угли в камине, куда забыли подбросить дров. Боги, выпившие слишком много вина, по своим свойствам приближавшегося к жидкому свинцу, устали спорить о том, чьё сердце тяжелее — у грешника или у налогового инспектора. Жрецы, превратившиеся в потных и суетливых теней, устали бегать за вином и благовониями. Музыканты на арфах играли уже десятый час подряд, их пальцы начали срастаться со струнами.

Только чайник держался бодро.

Он сидел в центре вакханалии, тихий и невозмутимый, как философ в борделе. Тихонько напевал «Купалінку», адаптировав её под египетские лады так, что даже суровые каменные сфинксы в отдалении, казалось, начали притоптывать лапами в такт. Один сфинкс даже чихнул. Пыль веков слетела с него облаком.

Анубис, пошатываясь, подозвал Аида. Он с грохотом опустил пустой золотой кубок на алтарь.

— Брат, — пророкотал он. — Твои спутники — чистое безумие. Они странные. Пахнут чем-то, от чего мои жрецы теряют сознание. Они всё время говорят о сметане. Я не понимаю, что это за субстанция.

— Они найдут её, — невозмутимо ответил Аид, поправляя галстук. Галстук в местном климате начал медленно превращаться в папирус. — Либо найдут сметану, либо умрут от усердия. Это прибавит тебе работы на весах.

— И то и другое — неплохой исход, — Анубис окинул взглядом притихший храм. — Но есть проблема. Тут один человек на них смотрит уже битый час. Бойтся подойти.

— Фараон? — Аид оживился.

— Джосер. Тот самый, который строит себе каменную гору в Саккаре. Пришёл почтить богов. Но по глазам вижу — жаловаться на Имхотепа, на нехватку камня и на то, что жрецы стали слишком много есть.

— Бойтся подойти? Он же фараон! Наместник богов на земле!

— Он знает, что я взвешиваю сердца, — парировал Анубис. — А когда знаешь, что сердце могут взвесить в любой момент, не спешишь на светскую беседу с тем, кто держит весы.

Анубис махнул пальцем в сторону колонны. В тени, где прохлада ещё сохраняла остатки цивилизованности, стоял невысокий, крепко сбитый мужчина в белом льне. На его голове красовалась двойная корона — тяжёлое, громоздкое сооружение, которое давило на плечи сильнее, чем весь груз египетской бюрократии. Лицо его было маской усталости человека, который мечтает не о вечности, а о комнате без сквозняков.

— Познакомь нас, — попросил Аид, поправляя мешок с картошкой.

— Познакомлю, — Анубис усмехнулся. — Но ты будешь объяснять, кто они такие. Я — бог. Не должен представлять чужеземцев смертным. Ниже достоинства.

— А что ты будешь делать?

— Стоять рядом. Смотреть, как ты позоришься.

Анубис щёлкнул пальцами. Джосер, почувствовав божественный призыв, вздрогнул, как от удара током. Подошёл. Движения осторожные, будто ступал по тонкому льду посреди Нила.

— Великий Анубис, — прошептал фараон, склоняя голову до земли. — Ты звал?

— Звал, — ответил бог смерти, кивнув в сторону Аида. — Познакомься. Это мой двоюродный брат. Аид.

Джосер поднял взгляд. Посмотрел на Аида. Потом на его халат с драконом, который в египетской реальности выглядел как нечто, украденное из дворца правителей далёкой Азии. Потом на мешок, из которого торчали грязные клубни.

— Брат? — переспросил Джосер, не веря ушам.

— Двоюродный, — уточнил Аид. — По материнской линии. Очень далёкой.

— А картошка?

— Подарок.

— Что такое картошка? Редкий вид камня для моей пирамиды?

— Еда. Растёт в земле. Очень вкусная. Если правильно приготовить. Со сметаной.

— Опять эта сметана! — вскрикнул Джосер. — Мои повара уже второй час пытаются сквасить молоко в разных температурных режимах! Жрец Херихор уже утверждает, что это заговор против короны!

— Что такое сметана? — Аид посмотрел на Тому. — Объясни фараону.

— Долгая история, — Тома вздохнула, поставив чайник на пол. — Магия молока, прошедшего через кризис идентичности.

Джосер решил не уточнять. Нервная система была на пределе. Он перевёл взгляд на Кристину, Тому и Баюна. Взгляд скептический, как у инспектора на стройплощадке, где рабочие воруют известняк.

— А это? — спросил он.

— Друзья, — сказал Аид. — Кристина. Королева вампиров.

Кристина кивнула. Не поклонилась. Королева не кланяется, даже если перед ней фараон. Выпрямилась так, что рост визуально увеличился на десять сантиметров.

— Королева? — Джосер поднял бровь. — У тебя есть королевство?

— Луна.

— Луна? — Джосер посмотрел в потолок храма, пытаясь увидеть там небесное тело. — Это в верховьях Нила? Новый протекторат?

— Дальше, — отрезала Кристина. — Личное владение.

— А она? — фараон ткнул в Тому.

— Тома. Высшая ведьма. Делает ресницы и брови. Чайник волшебный.

Чайник подтвердил. Издал короткий, пронзительный свист. У Джосера дёрнулся глаз.

— А кот? — фараон посмотрел на Баюна.

Кот сидел на чемодане, потирая лапы.

— Генеральный директор, — ответил Баюн, не дожидаясь представления. — Председатель профсоюза. Хранитель Блокнота. Требую сметану. Иначе организую забастовку всех котов Египта.

— Забастовку?

— Коты перестанут ловить мышей. Пирамиду съедят грызуны за месяц.

Джосер моргнул. Посмотрел на Аида.

— Странные у тебя друзья.

— Лучшие.

— Чем они занимаются?

— Кристина делает маникюр. Тома — ресницы и брови. Баюн — профсоюз.

— Что такое маникюр?

Кристина с тихим щелчком открыла чемодан. Извлекла пилочку. Взмахнула в воздухе.

— Это когда ногти перестают быть похожи на инструменты для копания могил.

Она посмотрела прямо в глаза фараону.

— У тебя, Джосер, ногти... ну, скажем, видели лучшие времена.

Джосер машинально спрятал руки за спину.

— Не надо, — сказал он.

— Не надо чего?

— Смотреть.

— Уже поздно. Я видела всё.

— Я фараон! — голос дрогнул. — Мои руки — моё дело! Они подписали сотни указов!

— Твои руки — визитная карточка. Когда подписываешь указы, жрецы смотрят не на подпись. Писцы смотрят на подпись. Жрецы смотрят на грязь под ногтями.

Джосер задумался. В глазах отразилось осознание: жрецы действительно всегда смотрят на его руки. Особенно главный жрец, всегда чем-то недовольный.

— Это угроза? — спросил фараон.

— Консультация. Бесплатно. Первый раз.

Аид кашлянул.

— Может, не надо пугать фараона в первый день?

— Я не пугаю, — Кристина убрала пилочку. — Информирую. Знание — сила.

— Информировать можно мягче.

— Я королева. Моя мягкость — это когда я не превращаю собеседника в пыль.

Джосер побледнел. Для смуглого египтянина — достижение.

— Ладно, — сказал он, пятясь. — Поговорим завтра. Утром. Во дворце. Покажу вам свои ногти. И руки. И пирамиду.

— А сметана? — крикнул Баюн вслед.

— Что такое сметана?! — голос Джосера эхом отразился от стен храма.

— Это то, без чего этот мир не узнает счастья!

Фараон ушёл. Быстро. Почти побежал, едва не сбив стражника.

Аид посмотрел ему вслед. Покачал головой.

— Кажется, я его напугал, — сказала Кристина.

— Ты его напугала, — подтвердил Аид. — Он фараон. Должен быть смелым.

— Он смелый. Но у него тоже есть нервы. Мои инструменты для него — как магия.

— Тогда пусть бережёт нервы. А ногти доверит нам.

Баюн взял карандаш. Торжественно записал в блокнот:

«Фараон напуган. Сметана не найдена, но потенциал рынка огромен. Завтра — дворец. Профсоюз требует повышенную ставку за работу с высшим государственным аппаратом. Мы на пороге золотой эры!»

Чайник запел. Тихо, уверенно, как перед началом великой бури.

Операция «Чистые руки», или Как Имхотеп чуть не стал бьюти-блогером.

Утро в Египте не наступало постепенно. Оно врывалось в храм, как незваный гость, выбивающий дверь ногой. Солнце, раскалённое добела, яростно вонзилось в верхние световые отверстия, разгоняя вязкие тени, в которых всю ночь прятались напуганные жрецы, не сумевшие договориться с богами о поставках сметаны. Праздник, ещё вчера казавшийся эпицентром вселенной, выдохся.

Анубис, судя по всему, ушёл спать в свои подземные чертоги. Музыканты уснули, привалившись к арфам, как мешки с опилками. Жрецы ползали по плитам, собирая остатки вина и собственное поруганное достоинство.

Кристина дремала, прислонившись к чемодану. Чемодан стал ей подушкой, тронem и единственным якорем в этом мире безумия. Тома сидела на камне, обняв чайник, как единственного выжившего в авиакатастрофе. Чайник тихонько гудел, поддерживая ведьму теплом. Аид стоял у колонны, устремив взгляд в пустыню. Пустыня простиралась до горизонта, как бесконечный, не сведённый годовой отчёт без единой цифры прибыли.

Баюн, единственный из всей компании, выглядел подозрительно свежим. Он спал прямо на Главном Блокноте. Блокнот, впитывая энергию кошачьего сна, тихонько светился, готовясь к новым записям о человеческих грехах.

— Вставайте, — голос Аида прозвучал как удар гонга. — Нас ждут.

— Кто? — пробормотала Кристина, даже не пытаясь открыть глаза. — Если это опять жрецы с вопросом, почему мы не умеем делать сметану из песка, я их покусую. Я в отпуске. Мой укус — это не услуга, это диагноз.

— Фараон. Джосер. Он ждёт.

— Он не ждёт, — парировала Кристина. — Он боится. Я видела его глаза. Вчера он смотрел на меня так, будто я пришла конфисковывать его пирамиду.

— Ждёт и боится, — Аид пожал плечами. — Это комбинация, с которой фараоны живут последние две тысячи лет. Называется «паранойя власти».

— Почему мы должны идти к нему? — Тома демонстративно зевнула, едва не проглотив солнечный зайчик. — Пусть он приходит к нам. У нас тут, в конце концов, порталная точка. И чайник. Чайник — это аргумент.

— Он фараон, — напомнил Аид. — У него пирамида, армия и статус живого бога. У нас — чемоданы с пилочками и чайник. Угадай, у кого здесь весомее аргументы?

— У чайника, — не задумываясь, ответила Тома.

Чайник согласно свистнул, вибрируя крышкой. Из носика вырвалось облачко пара в форме среднего пальца. К счастью, боги этого не заметили. Или сделали вид.

Аид вздохнул. Спорить с женщинами, у которых в арсенале магия, острые пилочки и говорящий чайник, было для него делом привычным, но от того не менее изматывающим.

— Ладно. Я скажу жрецам, что мы идём. Но не спеша. Мы в отпуске. Если фараон хочет прикоснуться к прекрасному, он подождёт. У него вечность. Куда спешить?

— И на завтрак мы имеем право, — добавил Баюн, потягиваясь и выгибая спину дугой. — Сметаны нет, но молоко должно быть. Несите. И лепёшки. И чтобы не каменные.

Аид ушёл. Вернулся через десять минут с кувшином молока, которое выглядело подозрительно свежим, и лепёшками, которые были твёрдыми, как строительный материал для будущих сфинксов.

Ели в тишине. Только чайник иногда вздыхал.

Солнце поднималось всё выше, превращая Египет в раскалённую сковороду.

— Ну что, — Кристина встала, отряхнула платье и посмотрела на свои руки. — Идём покорять фараона. Или, по крайней мере, его ногти.

— Это одно и то же, — мудро заметила Тома. — Для него это будет экзистенциальный кризис. Представляешь? Человек, который командует армией, строит пирамиду и считает себя богом, будет сидеть и бояться пилочки.

— Власть расслабляет, — сказал Баюн. — Профсоюз это знает. Мы требуем отчёты каждый месяц.

Дворец Джосера находился в получасе ходьбы от храма. Это был типичный Египет: то, что на карте казалось «рядом», в реальности превращалось в борьбу с первобытной стихией песка. Кристина шла, проклиная всё: моду на длинные подола, египетское солнце и отсутствие нормальных дорог. Тома молча проклинала песок, который, казалось, проникал сквозь любые барьеры и оседал даже там, где его быть не могло в принципе.

Баюн молчал, потому что ехал на чемодане, который Аид тащил за собой, как непокорного верблюда. Чайник ехал отдельно — на голове у Тома, как корона.

— Ты мог бы нас телепортировать, — заметила Кристина, выбивая песок из туфель.

— Мог бы, — ответил Аид. — Но это было бы скучно. Вы должны почувствовать атмосферу. Проникнуться. Понять, почему здесь всё строят из камня.

— Я чувствую её везде. Буквально. Везде.

— Терпи. Это Египет.

— Я терпела вчера. Сегодня я буду бунтовать.

— Профсоюз не одобряет бунты без предварительного письменного уведомления, — сонно пробормотал Баюн.

— Ты — профсоюз.

— Я уведомляю: не одобряю. Идём дальше. И не ной.

Дворец оказался меньше, чем ожидала Кристина. Никаких золотых колонн и бассейнов с вином — только внушительные постройки из сырцового кирпича, внутренний двор, пальмы, пруд, где лениво плавали рыбы, и стража. Стражи было столько, будто Джосер ожидал вторжения всей Месопотамии разом. Или, что более вероятно, боялся, что налоговая пришла без предупреждения.

— Мы к фараону, — Аид остановился перед главным входом.

— Он ждёт, — начальник стражи, чей доспех блестел так ярко, что на него было больно смотреть, подозрительно оглядел делегацию. — Но без оружия.

— У нас нет оружия.

— У неё, — стражник указал на Кристину, — длинная острая палка.

— Это пилочка. Для ногтей.

— Она острая.

— Красота требует жертв, — отрезала Кристина. — И если ты не хочешь, чтобы твой фараон ходил с руками, как у пещерного человека, лучше пропусти нас. Иначе заусенцы начнут размножаться.

Стражник задумался, глядя на её холодный, уверенный взгляд. Он явно не знал, что делать с женщиной, которая не боится его копья. И у которой при себе пилочка. Он махнул рукой.

— Проходите. Но если она порежет фараона... вы будете иметь дело со мной.

— Договорились, — улыбнулась Кристина.

Внутренний двор встретил их тишиной. Джосер сидел на троне — не таком высоком, как у богов, но выглядевшем надёжно. Рядом с ним стоял высокий, худой человек в длинных одеждах. Его глаза, глубоко посаженные и бесконечно усталые, сканировали гостей, как рентген.

— Имхотеп, — прошептал Аид. — Гений. Архитектор. Врач. Первый человек, который понял, что камень лучше кирпича. И что папирус не лечит.

— Выглядит как человек, который не спал с момента постройки первой пирамиды, — заметила Тома. — У него даже брови срослись от усталости.

— Это естественная форма, — обиженно сказал Имхотеп, услышав её.

— Неестественное запустение, — ответила Тома. — Но это лечится. Потом.

Джосер поднялся. Он выглядел как правитель, который готов ко всему, но очень надеется, что этого «всего» не случится.

— Вы пришли, — сказал он.

— Мы пришли, — ответила Кристина. — Показывайте руки.

— Сначала сядьте, — голос Джосера дрожал. — Я фараон. В моём дворце сидят. Это этикет.

— Мы не устали, — Кристина сделала шаг вперёд. — Мы здесь, чтобы работать. У тебя катастрофа на руках. Буквально.

— Я фараон! — попытался возмутиться Джосер, но это прозвучало как просьба о помощи. — Меня слушаются боги!

— Боги не слушаются никого, — сказал Аид. — Даже налоговую. Проверено.

Кристина вздохнула, села на каменную скамью, потянула за собой Тому. Аид остался стоять, наблюдая за представлением.

— Твои руки, — повторила Кристина. — Живо. Не заставляй меня вставать.

Джосер протянул руки. Они дрожали так сильно, что звенели браслеты. Ногти фараона были в ужасном состоянии — слоистые, обломанные, с тёмными полосками грязи, которые

впитывались в кожу десятилетиями. Кристина смотрела на них как на медицинский кейс из разряда «безнадёжно, но интересно».

— Давно не чистил? — спросила она, беря его пальцы.

— У меня нет времени. Я строю пирамиду.

— Пирамида — это вечность, Джосер. Но ногти — это первое, что видят люди, когда ты протягиваешь руку, чтобы подписать указ. Хочешь, чтобы они видели грязь?

— Я хочу, чтобы они видели власть.

— Власть без гигиены — это просто грязь под короной. И заусенцы.

Она открыла чемодан. Имхотеп подошёл ближе, его глаза расширились. Инструменты из нержавеющей стали, пилочки с лазерным напылением, масла с ароматом лотоса — всё это казалось фараону и визирю магией, превосходящей любые заклинания Ра.

— Что это? — шепнул Имхотеп, приносясь к баночке с кремом.

— Технология красоты, — ответила Кристина. — Ты строишь из камня? Я строю из того, что есть. И иногда — из того, чего нет.

Она взяла руку фараона. Джосер дёрнулся, но не отнял.

— Не дёргайся, — бросила она. — Если я отрежу тебе палец, ты будешь знать, что это не случайность.

— Что? — испугался фараон.

— Шучу. Расслабься.

Кристина начала работать. Пилка, баф, полировщик — всё в её руках двигалось с безупречной точностью. Джосер сидел, затаив дыхание, глядя на то, как исчезают его заусенцы, как грязь отступает, как ногти обретают форму, которой у них никогда не было.

— Как ты это делаешь? — прошептал Имхотеп, записывая что-то на папирусе. — Это не магия? Это технология?

— Это гигиена, — ответила Кристина. — И дисциплина. И немного магии. Но в основном гигиена.

— Я хочу научиться, — Имхотеп посмотрел на неё с фанатичным блеском в глазах. — Мои мастера должны владеть этой техникой. Мы построим новую пирамиду из красоты!

— Пирамида из красоты — это называется салон красоты, — сказала Тома. — У нас есть такой. На Луне.

— Луна? — Имхотеп записал и это.

Через двадцать минут Кристина отложила инструменты.

Ногти Джосера сияли, как отполированный обсидиан. Кожа была мягкой, чистой, ухоженной. Фараон смотрел на свои руки, как на чудо, сотворённое самим Амоном.

— Это... это мои руки? — спросил он.

— Твои, — ответила Кристина. — Теперь твоя задача — их беречь. Увлажняй кремом. Не грызи. Мой перед едой. И после тоже.

— Я не грызу! — возмутился Джосер.

— Заусенцы говорят об обратном, Джосер. Ты нервный. Это заметно.

Имхотеп осторожно взял руку фараона, повертел её, рассмотрел каждую деталь.

— Удивительно, — прошептал он. — Никакого вреда. Только совершенство формы. Это... это перевернёт мир!

— Не перевернёт, — сказала Кристина. — Но сделает его чище. А это уже достижение.

— Я хочу научиться! — повторил Имхотеп. — Сегодня! Сейчас!

— Нет, — ответила Кристина. — Сегодня — отдых. Мы устали.

— У меня пирамида! — Джосер всё ещё не мог оторвать взгляд от пальцев. — У меня стройка! У меня жрецы!

— Пирамида подождёт, — отрезала Кристина. — Ногти — нет. Они у тебя теперь красивые. Не дай им снова превратиться в катастрофу.

Имхотеп задумался. Потом кивнул фараону.

— Завтра, — сказал визирь. — Утром. Вы покажете мне инструменты. Я приведу мастеров. Мы запишем всё на папирус.

— Завтра, — согласилась Кристина. — За сметану.

— Опять сметана, — вздохнул Аид.

— Сметана — это не каприз, — ответил Баюн. — Это бизнес. Профсоюз требует.

Джосер улыбался. Впервые за годы правления он не думал о камнях, песке и жрецах. Он чувствовал себя человеком, у которого в руках — настоящий блеск власти. И который наконец-то не боится протянуть их.

Геометрия ада и архитектурная паранойя.

Кристина с тихим щелчком захлопнула чемодан. Спрятала свои «швейцарские» инструменты, от которых у Имхотепа дёргался глаз, а у Джосера — веко.

Джосер всё ещё смотрел на свои руки. Сгибал и разгибал пальцы, словно ожидал, что они вот-вот начнут светиться божественным светом. Его лицо выражало смесь изумления и того особого спокойствия, которое бывает только у людей, внезапно осознавших: всё, что они делали до этого, было лишь тренировкой перед настоящей жизнью.

— Они... они блестят, — сказал он.

— Это крем, — ответила Кристина. — Увлажняет, питает, защищает. И не оставляет следов на папирусе. Проверено.

— Это чудо.

— Это гигиена. И немного химии.

Имхотеп стоял рядом, обычно непоколебимый визирь, чьё спокойствие было известно во всём Египте. Но сейчас его брови сошлись на переносице, он был полностью поглощён процессом. Его стилос летал по папирусу быстрее, чем муха над тарелкой с финиками.

— Ты это зарисовываешь? — Тома, уставшая от бездействия, заглянула ему через плечо.

— Систематизирую, — отозвался Имхотеп, не поднимая головы. Голос его звучал как шуршание песка в часах. — Форма ногтей фараона: «до» — хаотичная деградация, «после» — структурное совершенство. Это фундаментальное знание. Это не просто гигиена, это высшая математика биологии.

— Это просто маникюр, — Кристина обиженно дёрнула плечом. — Швейцарское качество. Высокие стандарты. Никакой математики, только опыт и правильный угол наклона пилочки.

— «Швейцария», — пробормотал Имхотеп, записывая это слово иероглифами, как магическое заклинание. — Вероятно, место, где боги хранят свои лучшие камни.

— Где-то так, — вздохнул Аид.

Джосер наконец поднял взгляд на гостей. В его глазах, ещё час назад полных подозрения, теперь горело холодное пламя честолюбия.

— Вы говорили про мою пирамиду, — сказал он. Голос стал ниже, приобрёл стальные нотки правителя. — Аид, ты сказал, что она кривая.

— Я сказал, что фундамент смещён, — невозмутимо ответил Аид, подходя к трону. — Для фараона это звучит как «кривая». Для архитектора — как «незначительный допуск». Для бога смерти — как «гарантированное падение через триста лет».

— Триста лет? — Джосер побледнел.

— Плюс-минус столетие. В зависимости от ветров.

Имхотеп, услышав это, замер. Его стилос застыл в воздухе.

— Фундамент? — переспросил он. — Мой фундамент — это скальная порода! Я лично проверял каждый блок!

— Скальная порода — это хорошо, — согласился Аид. — Но твои углы рассчитаны на то, что время стоит на месте. А время — это река. Оно подтачивает всё. Твой фундамент просядет на запад.

— На запад? — Джосер схватился за подлокотники трона. — Это же сторона заката! Это путь душ! Если моя пирамида рухнет на запад, это дурное предзнаменование!

— Это не предзнаменование, — Аид был неумолим. — Это геометрия. Покажи чертежи.

Джосер махнул рукой. Из тени колонн выплыли писцы, волоча огромный, тяжёлый свёрток папируса. Расстелили прямо на полу. Это был чертёж ступенчатой пирамиды — сложная, амбициозная конструкция, пронзающая небо. Имхотеп смотрел на неё с любовью отца. Аид смотрел на неё с профессиональным скепсисом хирурга, рассматривающего рентген с метастазами.

— Ступени, — Аид ткнул пальцем в середину конструкции. — Красиво. Амбициозно. Но кто рассчитывал нагрузку на внутренние перекрытия?

— Я! — воскликнул Имхотеп.

— Ты рассчитывал, исходя из веса одного камня. А ты учёл плотность песчаника под нижними ярусами? У тебя здесь критическая точка напряжения. При малейшем землетрясении — а Египет трясёт каждые сто лет — эта пирамида сложится, как карточный домик.

— Землетрясения? — Джосер побелел. — Имхотеп, ты не говорил о землетрясениях!

— Их не было в расчётах! — оправдывался визирь. — Мы строим для вечности, а вечность статична!

— Вечность не статична, — сказал Аид. — Вечность течёт. Как Нил. Как время. Как сметана, которую вы ещё не научились делать.

Он взял у Имхотепа карандаш. Его движения были молниеносны. Он не рисовал — он «лечил» чертёж.

— Вот здесь — сместить центр тяжести. Здесь — добавить распорные балки из кедра. Здесь — увеличить площадь основания на три локтя. И главное — убрать эти декоративные ниши, они ослабляют конструкцию.

— Но ниши — это красота! — возразил Имхотеп. — Они символы! Они прославляют богов!

— Красота в камне — это то, что стоит вечно. Если оно падает, это уже не красота, это строительный мусор. И похоронная процессия.

Имхотеп молчал. Смотрел на исправленный чертёж. Глаза его расширялись с каждой секундой. То, что предлагал Аид, было проще, надёжнее и элегантнее.

— Это гениально, — прошептал он. — Как ты... откуда в Аду такие знания?

— Ад — это место, где постоянно что-то рушится, — ответил Аид, возвращая карандаш. — Чтобы удержать здание от падения в вечность, нужно знать всё о сопротивлении материалов. У меня там, знаешь ли, бесконечный ремонт. И пожарная безопасность. И налоговая.

— Налоговая? — Джосер вздрогнул.

— Долгая история, — вздохнул Аид.

Джосер перевёл взгляд с чертежа на свои сияющие ногти. Потом на Имхотепа. Потом на Аида.

— Имхотеп, переделывай всё. Сколько времени?

— Если с моими мастерами... месяцев шесть.

— У тебя есть три, — отрезал Джосер. — Иначе я найду другого архитектора. С лучшими нишами.

Имхотеп побледнел. Потом внезапно опустился на колени перед Аидом.

— Учи нас, — сказал он. — Научи моих людей этой инженерии. Я дам тебе золото. Я дам тебе медь. Я дам тебе мою лучшую дочь в жёны.

— Дочь не надо, — сказал Аид. — У меня есть свои проблемы.

— Тогда что?

— Мне нужна сметана. В больших количествах. Качественная. Жирная. Настоящая.

Джосер издал стон, от которого содрогнулись стены дворца.

— Где! Я! Возьму! Сметану!

— Баюн, объясни ему про молоко, — попросил Аид.

Баюн соскочил с чемодана. Начал выхаживать перед тронном, как лектор в университете, который знает, что его слушатели — полные профаны, но это не повод снижать планку.

— Слушай внимательно, фараон, — сказал кот. — Технология элементарна. Берёшь жирное молоко. Козье. Или коровье. Или верблюжье, если других нет. Добавляешь немного правильной закваски. Оставляешь в прохладном, тёмном месте. Ждёшь.

— Чего ждать? — прошептал Джосер.

— Пока молоко не осознает свою судьбу. Это магия природы.

— Сколько ждать?

— Зависит от температуры. От настроения богов. От того, как сильно ты хочешь сметану. Имхотеп записывал. Стилос скрипел.

— И если ты это построишь, — продолжал Баюн, — у тебя будет самый мощный пищевой ресурс в истории Египта. Твои строители станут сильнее. Твои жрецы — мудрее. Твои ногти — блестящими. Это сделка века.

Джосер закрыл лицо руками. Его корона съехала набок.

— Вы пришли, чтобы сделать мне маникюр и научить варить скисшее молоко?

— И спасти твою пирамиду от позора, — добавила Кристина. — И твои руки — от грязи. И твоих жрецов — от бессмысленных жертвоприношений коров, которые могли бы давать молоко.

— Коров? — Джосер поднял голову.

— Это долгая история, — вздохнул Аид.

— Неблагодарность — побочный эффект власти, — Кристина похлопала фараона по плечу. — Поверь мне, я видела королей, которые теряли головы из-за того, что отказывались от бесплатных консультаций. Буквально. А некоторые — из-за неудачного маникюра.

Джосер сглотнул.

— Хорошо, — сказал он. — Вы получите свою сметану. А если пирамида будет стоять вечно... я объявлю вас богами.

— Не надо, — Аид усмехнулся. — У нас уже есть работа. И профсоюз. И сметана, которой вы ещё не произвели.

— А теперь, — Баюн прыгнул на колени к фараону, заставив того вздрогнуть и чуть не сбросить корону, — скажи своим поварам, чтобы несли всё молоко, которое у них есть. Время экспериментов началось.

Джосер посмотрел на кота. Кот посмотрел на фараона.

— Принесите молоко! — крикнул Джосер в пустоту.

Слуги разбежались.

Имхотеп смотрел на исправленный чертёж. На свои руки. На сметану, которой ещё не было, но которая уже пахла будущим.

— Я понял, — сказал он.

— Что? — спросил Аид.

— Геометрия ада. Это не про углы. Это про баланс.

— И про сметану, — добавил Баюн.

— И про сметану, — согласился Имхотеп.

Инфекция, зола и основы доказательной медицины.

Имхотеп не спал третьи сутки. Это было видно невооружённым глазом. Глаза его превратились в два воспалённых очага. Под ними залегли тени такой глубины, что в них можно

было спрятать небольшую коллекцию папирусов. Он смотрел на чертежи, на чертежи — на руки, на руки — на Кристину, и, наконец, на Тому.

Взгляд его был взглядом человека, который всю жизнь верил, что мир держится на молитвах, а теперь обнаружил, что мир держится на элементарной чистоте. И что боги, возможно, просто не хотели связываться с грязью.

— Вы говорили про руки рабочих, — Имхотеп подошёл к Томе. В его голосе, обычно властном, сквозила почти детская растерянность. — Я думал, это метафора. Что их руки — это инструмент богов. Что они сами собой должны быть в порядке, если боги довольны.

— Богам плевать на мозоли, Имхотеп, — ответила Тома, даже не поднимая головы от чайника, который она нежно полировала подолом платья. — И фараонам тоже. Но мозоли — это одно. Раны — другое. Раны — это входные ворота для заразы.

— Я видел их руки, — визирь сжал кулаки. — Там мозоли, грязь, разрывы плоти. Они перевязывают раны грязными тряпками. И они умирают. От лихорадки. От того, что пальцы начинают гнить. Я читал все заклинания. Я приносил жертвы Исиде. Я использовал самые дорогие благовония из Пунта.

— Ты пробовал мыть руки? — спросила Тома.

Имхотеп замер. Вопрос был настолько нелепым, что он не знал, как на него реагировать.

— Мы моемся в Ниле, — сказал он. — Мы омываемся перед входом в храм.

— Омываться в стоячей воде, где живут крокодилы, плавают отходы жизнедеятельности и, возможно, остатки вчерашнего ужина крокодила — это не гигиена. Это приглашение для болезней.

— Но вода в Ниле священна.

— Священна — не значит чиста. Исида не мыла ноги фараона святой водой. Она мыла их обычной. Потому что даже боги знали: грязь — это враг.

Имхотеп задумался. Стилос в его руке дрожал.

Тома открыла чемодан. Среди кучи баночек, тюбиков и странных приспособлений она извлекла небольшую склянку с тёмно-зелёной, густой мазью. Запах ударил в нос — резкий, травянистый, с нотками смолы и чего-то прохладного. Что-то мятное. Что-то горькое. Что-то, что пахло лесом, которого в Египте не было.

— Что это? — Имхотеп подался вперёд, забыв о статусе визиря.

— Мазь. Живляет, дезинфицирует, убивает то, что вызывает гниль. Бактерии.

— Бакте... что?

— Микроскопические твари, которых ты не видишь, но которые жрут твоих рабочих заживо. Они живут в грязи. В ранах. В твоих священных бинтах.

— Это колдовство?

— Это медицина, Имхотеп. Знание того, как устроены растения и как они взаимодействуют с плотью. Это не требует молитв. Это требует правильной дозировки и чистых рук.

Имхотеп взял баночку в руки. Сжал её, словно это был драгоценный артефакт из самого Дуата.

— Я врач, — сказал он, выпрямившись. — Я знаю анатомию. Я вскрывал. Я видел внутренности. Я лечил царей. Но я никогда не видел, чтобы болезнь уходила сама, без божественного вмешательства.

— Боги помогают тем, кто сам не хочет гнить заживо, — отрезала Тома. — Понюхай.

Имхотеп осторожно откупорил крышку. Вдохнул. Его лицо преобразилось. Усталость, казалось, на секунду отступила, сменившись каким-то почти религиозным экстазом.

— Это... это пахнет жизнью, — прошептал он. — Это пахнет лесом, дождём и чем-то, что сильнее смерти.

— Это пахнет тысячелистником, подорожником и шепоткой науки, — Тома забрала баночку обратно. — И немного — сметаной. Сметана — основа. Но это не тайна. Главное — чистота.

Имхотеп посмотрел на свои ладони. В лучах солнца он впервые увидел, сколько пыли и черноты въелось в линии его жизни.

— У нас есть вода, — сказал он. — И зола. Зола очищает всё.

— Зола — это щелочь, — Тома кивнула. — Она сушит, но она очищает лучше, чем ваш песок. Песок только царапает кожу, создаёт входные ворота для заразы. Это не гигиена. Это медленная смерть.

— Что мне делать?

— Завтра утром соберёшь всех врачей, которые работают на стройке. Я покажу им, как готовить простейший раствор. Как промывать раны. Почему нельзя использовать одну и ту же тряпку для десятка разных людей.

— Они не послушают меня, — прошептал Имхотеп. — Они скажут, что я сошёл с ума от жары.

— Скажи им, что это личный приказ фараона, который теперь носит идеальный маникюр, — Тома указала на Джосера.

Джосер в этот момент с восхищением разглядывал свои блестящие ногти. Он поворачивал руки то одной, то другой стороной. Он улыбался.

— Фараон видел чудо, — продолжала Тома. — Фараон верит. Теперь они поверят тоже. Иначе пусть объясняют ему, почему их методы убивают людей, а ваши — лечат.

Имхотеп смотрел на Тому. Потом на фараона. Потом на Аида, который лениво подтачивал коготь о камень. Мир, который он строил из камня и заклинаний, начал рушиться. Но на его обломках проросло что-то другое. Что-то твёрдое, понятное и чистое.

— Завтра, — повторил Имхотеп. — С утра. Приводите свои инструменты. Я соберу всех. Даже тех, кто будет спорить.

— Я приду, — сказала Тома. — С чайником.

— Чайник — это тоже лекарство?

— Чайник — это доказательство. Он поёт. Грязь не поёт.

Имхотеп не понял, но кивнул.

— И что там было про сметану? — спросил он.

— Сметана — это главный ингредиент для восстановления сил, — сказал Аид. — Как найдёшь — поймёшь. А если нет — удачи в лечении рабочих молитвами.

Они вышли из дворца. Солнце стояло в зените, превращая всё вокруг в марево. Песок скрипел под ногами, но теперь он не казался им врагом. Он казался материалом. Который ещё не привели в порядок.

— Он научится? — спросил Аид.

— Научится, — Тома спрятала мазь в чемодан. — Имхотеп слишком умен, чтобы отрицать то, что реально работает.

— А если нет?

— Тогда через пару лет у него останется половина строителей. Пирамида станет памятником инфекции. И фараон найдёт другого визиря.

— Жёстко, — хмыкнул Аид. — Тебе бы в Аду работать, Тома. У нас там как раз вакансия главного по гигиене ада освободилась.

— Не дождёшься, — ответила ведьма. — У меня в планах ещё спа-салон на Луне. И профсоюз. И сметана.

Баюн открыл один глаз. Вывел в блокноте:

«Архитектор спасён от невежества. Инфекция объявлена вне закона. Сметана — стратегический ресурс. Профсоюз рассматривает возможность открытия филиала в Саккаре. Требуем золотые пилюльки для кошачьих когтей».

Чайник свистнул. Это был звук триумфа. Хотя в масштабах истории — всего лишь звук кипящей воды.

Трагедия и триумф «Белой радости коз», или Божественный бьюти-кейс.

К вечеру дворец, казалось, выдохнул. Жрецы, словно призраки, растворились в своих кельях. Стража, утомлённая инспекциями Имхотепа, привалилась к стенам и заснула в самых неестественных позах. Один стражник спал стоя, прислонившись к копьё. Второй — сидя, с открытыми глазами. Третий — лёжа поперёк порога, и все слуги перешагивали через него, не просыпаясь.

Джосер ушёл в покои. Он уносил с собой не только осознание бренности пирамид, но и ощущение необычайной лёгкости в кончиках пальцев. Ему казалось, что он может подписать любой указ, не боясь, что жрецы увидят его грязные ногти.

Герои выбрались во внутренний двор. Солнце, уставшее от египетских амбиций, медленно тонуло в песках, окрашивая горизонт в цвета, которые невозможно повторить на палитре — смесь крови, шафрана и остывающего золота. Воздух стал густым и сладким, как перезревший инжир.

— У меня такое чувство, — сказала Кристина, тяжело опускаясь на каменную скамью. Ноги гудели. — Мы здесь не в отпуске. Мы на бессрочных курсах повышения квалификации для богов.

— Если завтра придёт ещё и Осирис, — добавила Тома, — я потребую двойной оклад. В икре. И в сметане. И чтобы её приносили в золотых вёдрах.

— Профсоюз это поддержит, — Баюн, уже успевший дочиста вылизать остатки молока из миски, лениво перевернулся на спину. — Мы уже перевыполнили план по эстетизации Древнего мира на три столетия вперёд.

— И на два столетия по медицине, — добавила Тома, пристраивая чайник на коленях. Тот издал довольный, низкий гул, похожий на мурлыканье.

— Нормально, — сказала Кристина. — Работаем.

— Не работаем, — поправил Баюн. — Отдыхаем. Это называется «пауза между подвигами».

Они помолчали. В тишине сада, где каждый куст, казалось, был подстрижен по линейке, послышались тяжёлые, мерные шаги. Кто-то шёл. Не спеша. Величественно. Так ходят только те, кто привык, что перед ними расступаются даже стены.

Из глубокой тени колоннады вышел Анубис.

Он был не один. Двое его жрецов-помощников, согнувшись в три погибели под тяжестью подносов, следовали за ним, как тени. Подносы были большими. И тяжёлыми. Один жрец пошатнулся, но устоял — видимо, привык.

— Вы вернулись из дворца живыми, — констатировал бог смерти. Голос его звучал глухо, как эхо в погребальной камере.

— Мы не просто вернулись, — ответила Кристина, не вставая. — Мы провели аудит эффективности. Фараон доволен. Пирамида спасена. Имхотеп пересматривает взгляды на жизнь. Мы хотим спать.

Анубис подошёл ближе. Его тень накрыла их, но сегодня в этой тени не было холода. В ней было... ожидание.

— Вы сделали маникюр фараону, — Анубис произнёс это так, будто обсуждал смену руслу Нила. — Вы учили Имхотепа медицине. Весь дворец гудит. Они обсуждают форму ногтей, качество кожи и основы дезинфекции.

— Мы не виноваты, — Тома поправила ремешок на чемодане. — Что у вас тут процветает варварство. Мы просто делаем свою работу. Даже в отпуске.

Анубис замаялся. Это было невероятное зрелище: бог, который внушал трепет целой цивилизации, сейчас переминался с ноги на ногу, пряча лапы за спину.

— А я? — спросил он.

— Что — ты? — Аид с интересом приподнял бровь.

— Мои когти. Вы обещали. Ещё вчера. Я ждал.

Кристина посмотрела на его руки. Огромные, сильные, покрытые татуировками и шрамами, они выглядели так, будто ими можно крошить скалы. И когти действительно были в ужасном состоянии.

— Мы устали, Анубис. Мы работали весь день. С утра. Без перерыва.

— Я принёс подарки, — голос Анубиса стал почти умоляющим. — Смотрите. Я не обманул.

Он махнул рукой. Жрецы дрожащими руками поставили подносы. Ткань соскользнула, и в вечернем свете заиграло золото. Массивные кольца, браслеты, украшенные лазуритом. Всё это было чистым, первозданным металлом.

Но на третьем подносе стоял глиняный горшочек, обёрнутый в прохладные листья лотоса.

— Это... — начал Баюн, чувствуя, как усы начинают подёргиваться.

— Мы нашли, — Анубис кивнул с таким торжеством, будто объявлял об открытии нового мира. — Жрецы облазили все окрестные поселения. Объехали все деревни. Спрашивали у пастухов. В итоге один из них вспомнил, что его бабушка делала такую субстанцию. Густую, белую, кислую. Пастухи клялись, что это «белая радость коз».

— Это сметана! — Баюн не выдержал. Он спрыгнул с чемодана и прыгнул на поднос. — Настоящая, деревенская, жирная! Двадцать пять процентов! Я чую!

Кот втянул носом воздух. У него закатились глаза.

— Она пахнет вечностью, — сказал он. — Но вкуснее.

Кристина и Тома переглянулись. Сметана была решающим аргументом. Даже уставшие, даже после всего дня, они не могли отказаться от такого подарка.

— Ладно, — вздохнула Кристина. — Садись. Но если дёрнешься — я не отвечаю за результат. Будешь ходить с когтями, которые скрежещут на весь храм.

Анубис сел на нагретый за день камень. Он выглядел комично в своей попытке соблюсти достоинство — огромный бог, сидящий на валуне, как школьник на экзамене. Но его лапа уже лежала на коленях у Кристины.

— Ого, — Тома под села ближе с набором для ресниц. — У тебя здесь не просто антисанитария, Анубис. У тебя здесь музей микробов.

— Что это значит? — спросил он, напрягаясь.

— Это значит, что под твоими когтями можно проводить экскурсии для студентов-медиков. «Эволюция грязи за три тысячи лет».

— Это опасно?

— Это катастрофично. Но мы всё исправим.

Кристина взялась за работу. Она работала как ювелир — шлифовала, подпиливала, убирала лишнее, превращая когти-инструменты в аккуратные, опасные, но эстетически совершенные элементы божественного образа. Анубис не шевелился. Он был в трансе. Его глаза смотрели в одну точку.

— Не дыши, — сказала Кристина.

— Я не дышу. Я бог.

— Тогда не думай.

— О чём?

— О вечности. Она сейчас не важна. Важны твои когти.

Тома подошла к его лицу.

— А ресницы? — спросила она. — Ты же бог смерти. Ты должен смотреть на людей не как на добычу, а как на загадку. Это привлекает клиентов.

— Я смотрю на них через магию, — ответил Анубис.

— Сквозь магию мир кажется серым. Смотри глазами. И ресницами.

Она наклеила пучки. Аккуратно подкрасила их, подчеркивая глубину его глаз. Анубис зажмурился, чувствуя непривычную лёгкость. Что-то щекотно прикоснулось к векам.

— Это... это больно?

— Это красиво, — ответила Тома. — Терпи.

Через час Анубис встал.

Его когти блестели так, что в них отражались звёзды. Ресницы делали взгляд глубоким, почти меланхоличным. Он подошёл к зеркалу, которое принесли жрецы, и долго молчал.

— Это... я?

— Это ты, — Кристина отложила пилочку. — Только теперь ты выглядишь как бог, у которого есть самоуважение. И вкус.

— Я красив, — он сказал это не как вопрос, а как открытие.

— Ты бог, — повторила Кристина. — Ты должен быть таким всегда. А не раз в тысячу лет на день рождения.

Анубис поклонился — глубоко, искренне. Так кланяются только богам. Или тем, кто сделал им идеальный маникюр.

— Я пришлю к вам других, — сказал он, направляясь к выходу.

— Завтра, — крикнула Тома вслед.

— Мы отдыхаем! — добавила Кристина.

— Послезавтра! — донеслось из темноты. — Или на следующей неделе! Боги не знают выходных!

Баюн, блаженно шурясь от вкуса сметаны, вывел в блокноте:

«Миссия выполнена. Бог смерти эстетизирован. Когти сияют. Ресницы летают. Сметана принята к учёту. Профсоюз объявляет тотальный выходной до рассвета. Если придёт Осирис — требовать двойную порцию. В золотых вёдрах. И с поклоном».

Чайник издал финальный, победный свист. Он свистел так, что у жрецов заложило уши, а у стражника, спавшего с открытыми глазами, дёрнулась нога.

Египетские каникулы только начинались. Но теперь у них был вкус победы. И сметаны. И, кажется, немножко вечности.

ГЛАВА 3. СТРОЙКА ВЕКА, ИЛИ КАК ПОСТРОИТЬ ВЕЧНОСТЬ И НЕ СОЙТИ С УМА

Аид, архитектор и геометрия хаоса.

Утро в Египте наступало с невыносимой яркостью. Солнце, ещё не успевшее раскалить песок до состояния лавы, уже вовсю издевалось над теми, кто встал слишком рано. Аид проснулся раньше всех. Это было подозрительно. Обычно его божественный сон длился до того момента, пока Баюн не начинал демонстративно точить когти о его единственный приличный пиджак. Кот требовал сметану, Кристина требовала кофе по канонам вампирской аристократии, а Тома требовала, чтобы её оставили в покое.

Но сегодня Аид поднялся с грацией того, кто знает: мир несовершенен, и его нужно срочно исправлять. Он отряхнул пиджак, поправил галстук, который в местном климате приобрёл устойчивый запах пряностей и неуплаченных налогов, и вышел на крыльцо.

На горизонте, прорезая утреннюю дымку, возвышалась пирамида. Она выглядела величественно. Но для Аида, чей архитектурный вкус сформировался при проектировании многоуровневых кругов Преисподней, она выглядела как «очень дорогой, очень большой и очень опасный строительный брак».

— Ты чего? — Тома приоткрыла один глаз. Чайник на её коленях согласно булькнул, выражая солидарность с хозяйкой. — Ещё даже мухи не проснулись. А ты уже стоишь в позе главного аудитора.

— Пойду посмотрю, как там стройка, — бросил Аид, не оборачиваясь.

— Стройка? — Тома села. — Ты — владыка Ада. У тебя в подчинении миллионы душ, демоны и бесконечная бюрократия. Какое тебе дело до кучи камней в пустыне?

— Я — инженер, Тома. В душе. И видеть, как возводят конструкцию, которая рухнет при первом чихе тектонической плиты, — это личное оскорбление моего профессионализма.

— У тебя в душе халат с драконом и хроническая усталость от налоговой, — проворчала ведьма. — Но иди. Только не развали там ничего. У нас и так проблем хватает.

Аид ушёл. Баюн, даже не открывая глаз, пробормотал:

— Он вернётся.

— Откуда знаешь?

— Картошка в мешке сказала. Она чувствует вибрации камня. И запах сметаны.

Стройка встретила Аида запахом, который невозможно спутать ни с чем: смесь пота, растёртого в порошок известняка, дешёвого пива и экзистенциального отчаяния тысяч людей. Тысячи рабочих копошились на склоне будущей пирамиды, как муравьи, которые забыли, зачем строят муравейник, но продолжали процесс из чистого упрямства. Блоки тащили на верёвках, которые, казалось, вот-вот лопнут. Поднимали по деревянным скатам. Укладывали на раствор, который держался исключительно на надежде и ритуальных жертвах.

Имхотеп стоял у подножия. Он выглядел так, будто не спал с момента основания I династии. В руках он держал папирус, который дрожал от ветра и отчаяния владельца.

— Ты пришёл, — сказал архитектор, не оборачиваясь.

— Я обещал, — Аид подошёл вплотную, оглядывая кладку. — Я не шучу про геометрию, Имхотеп. Это серьёзнее, чем налоги в моём царстве. А в налогах я разбираюсь лучше всех. Это диагноз.

Они стояли и молчали. Пирамида была огромной. Ступенчатой. И, если прищуриться, как это делают профессионалы, — она была кривой.

— Вот здесь, — Аид ткнул пальцем в основание, где нижний блок лежал с подозрительным зазором. — Угол смещён на три градуса. Ты это видишь?

— Я это знаю, — с горечью признался Имхотеп. — Но переделывать — значит признать ошибку перед фараоном. А фараон не любит, когда его вечность начинают перестраивать.

— Фараон не любит, когда его вечность хоронит его под собственными ступенями. Выбери-рай.

Аид подошёл к месту закладки. Рабочие расступились. Его холодный, пронзительный взгляд, привыкший судить грешников, заставлял даже самых отъявленных лентяев хвататься за рычаги с удвоенным усердием.

— Кто это? — зашептались мастера. — Это помощник архитектора?

— Это человек из свиты богов, — ответил мастер. — Я видел его в храме. Он стоял рядом с Анубисом.

— И не побледнел?

— Не побледнел. И не поклонился. И жив.

— Уважаю, — сказал другой мастер.

Аид присел на корточки. Провёл рукой по камню, по раствору, по песку.

— Тут нужно добавить опорные столбы, — сказал он. — Не деревянные, как вы тут нагородили. Дерево сгниёт за десять лет, и пирамида осядет. Каменные. Из гранитного монолита. И сместить центр тяжести внутрь.

— Это займёт месяцы! — Имхотеп почти рыдал. — Нам нужно закончить к сезону разлива!

— Либо вы потратите месяцы сейчас, либо вечность будете объяснять Анубису, почему вы решили его раздавить, — Аид выхватил у писца стилос и начал чертить на камне.

Это был уже не язык Древнего Египта. Это был язык сопромата, векторов силы и распределения нагрузки. Мастера столпились вокруг. Они не понимали слов, но видели магию. Камни, которые раньше требовали десятка человек для сдвига, после изменений Аида казались управляемыми.

— Откуда ты знаешь это? — спросил мастер, чей дед строил ещё гробницы в Абидосе.

— Я строил Ад, — Аид выпрямился, стряхивая пыль с ладоней. — Там такая геометрия, что черти путаются в коридорах. А если путаются, то начинают работать медленнее, чем налоговая инспекция. А я этого не люблю. Работайте.

К полудню Аид обошёл всю стройку. Он проверял кладку, раствор, углы, вентиляцию — он нашёл место для узких каналов, которые должны были «дышать», чтобы сырость не разрушала кладку изнутри. Имхотеп следовал за ним, как тень. Записывал. Переспрашивал. Иногда плакал.

— Это неэффективно, — сказал Аид, глядя на то, как люди таскают блоки на плечах. — Почему у вас нет системы блоков? Почему всё на верёвках?

— А как надо? — спросил Имхотеп, записывая каждое слово.

— Рычаги. Полиспасты. Посмотрите на форму пирамиды как на систему весов.

Он взял кусок обгорелого дерева и начал рисовать на песке схемы. Чёткие, понятные, математически безупречные. Имхотеп смотрел на это, как на откровение. Это было не просто строительство. Это была инженерия в её высшем проявлении.

К вечеру Аид закончил. Он стоял на верхней площадке недостроенной пирамиды, смотрел на закат и чувствовал, как приятная усталость разливается по телу.

— Ты останешься? — спросил Имхотеп, поднявшись следом. — Я могу уговорить фараона назначить тебя главным визирем.

— Нет, — Аид покачал головой. — Я в отпуске.

— Но ты помогаешь.

— Это называется «профессиональная деформация». Лечится только сметаной.

— Сметаны будет сколько угодно, — пообещал Имхотеп. — Только научи моих людей строить так, чтобы это стояло вечно.

— Научу, — сказал Аид. — Но не сегодня. Сегодня — отдых.

Он спустился вниз. Рабочие смотрели на него с уважением. Мастера кланялись. Писцы записывали последние указания.

Аид вернулся к вечеру. Он был в пыли, с пятнами раствора на пиджаке. Но в его глазах светилось удовлетворение, которого не было даже после самой удачной сделки с душами.

— Ну как? — Кристина оторвалась от полировки своих ногтей.

— Пирамида будет стоять тысячу лет, — ответил Аид, садясь на камень. — А может, и две.

— А потом?

— Потом — не моя проблема. После меня хоть потоп. Или налоговая.

Он открыл горшочек, который принёс ему один из верных жрецов Анубиса. Сделал глоток густой, прохладной сметаны. Закрыв глаза.

— Нормально, — сказал он. — Работаем.

Баюн, сидевший рядом, с важным видом вывел в блокноте:

«Пирамида спасена от инженерного фиаско. Имхотеп переведён в статус гения. Рабочие обеспечены технологиями будущего. Сметана — в процессе активного потребления. Профсоюз официально одобряет вмешательство бога в дела смертных строителей. При условии выплаты премии в молочных продуктах. В золотых вёдрах».

Чайник на коленях у Тома довольно свистнул. Египет менялся, даже не подозревая, что строить будущее можно с помощью советов бога подземного царства и хорошего маникюра.

Баюн и первый профсоюз, или как построить пирамиду и не сдохнуть от усталости.

Баюн не любил стройки. Вообще. Он считал их апогеем человеческой глупости: нагромождение камней ради амбиций одного человека, который всё равно потом превратится в мумию. Ещё на Луне, когда херувимы затеяли расширение райских садов и начали пилить базальтовые облака, Баюн ушёл в глубокий запой валерьянкой. Это было шумно, пыльно и, что самое главное, плохо влияло на чистоту его усов.

Но здесь, в Египте, стройка была везде. Куда ни плюнь — везде таскали блоки, кричали мастера, плакали рабы, и всё это происходило без малейшего намека на технику безопасности, профсоюзную этику и, что было самым тяжким преступлением, без перерывов на сметану.

— Так не пойдёт, — пробормотал Баюн, сидя на вершине штабеля известняковых блоков и глядя на копошащихся внизу людей. Его хвост нервно дёргался в такт ударам медных долот.

— Что именно не пойдёт? — Тома, устроившаяся в тени навеса, методично чистила чайник куском мягкой замши.

— Весь этот процесс, — Баюн указал лапой на стройплощадку. — Они работают с рассвета до заката. Никаких обеденных перерывов. Никакой горячей пищи. Ты посмотри на них — они выглядят как ходячие пособия по истощению. Это не пирамида, это памятник неэффективности.

— Они рабы, Баюн. У них нет прав.

— Они — люди. У них есть тело, которое устаёт, и желудок, который требует жиров. Если они не будут есть, они не смогут поднимать эти проклятые камни. Если не смогут поднимать камни — фараон не получит вечность. А если фараон не получит вечность, он расстроится и начнёт всех казнить. Следовательно, забота об их правах — это стратегическая безопасность страны.

Тома хотела возразить, но промолчала. Спорить с котом, который решил, что он — Карл Маркс от мира кошачьих, было бесполезно.

Баюн спрыгнул с чемодана, распустил усы, поправил воображаемый галстук и направился к самому оживлённому участку, где бригада рабочих пыталась взгромоздить многотонный блок на салазки.

— Эй! — крикнул Баюн, запрыгивая на ближайший камень. Голос его, усиленный какой-то магической акустикой, пронёсся над площадкой, заставив мастеров уронить рычаги. — Кто тут самый старший по духу? Кто отвечает за тех, кто таскает эту тяжесть?

Рабочие замерли. В наступившей тишине было слышно, как стрекочут саранчовые в песках. Из толпы вышел высокий мужчина — лицо в глубоких морщинах, руки, покрытые шрамами, взгляд, в котором застыла вековая усталость.

— Ты что за зверь? — спросил он, сжимая в руке медный лом. — И что ты тут забыл?

— Я — Баюн. Генеральный директор. Председатель Профсоюза. Хранитель Главного Блокнота. Эксперт по выживанию в нечеловеческих условиях. Я пришёл говорить о ваших правах, потому что фараон об этом явно забыл.

Кто-то из рабочих хмыкнул. Кто-то откровенно рассмеялся. Но Баюн не сдвинулся с места. Он смотрел на них так, как смотрит директор школы на двоечника, который пытается доказать, что собака съела его домашнее задание. Глаза его светились мудростью всех времён, и смех быстро стих.

— О каких правах ты толкуешь? — тихо спросил высокий рабочий. — У нас есть право умирать за Джосера. Больше прав нет.

— Права — это не то, что дают. Это то, что берут, — Баюн раскрыл блокнот, где иероглифы начали выстраиваться в стройные ряды пунктов. — Пункт первый: восьмичасовой рабочий день. Солнце в зените — время обеда и отдыха в тени. Пункт второй: регулярный подвоз чистой воды, а не той жижи, что стоит в бочках неделю. Пункт третий: горячая пища. И, наконец, пункт четвёртый — медицинская помощь для тех, кто повредил спину.

— А сметана? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Сметана — вопрос стратегический, — важно кивнул Баюн. — Мы договорились о ней как о валюте восстановления сил.

Весть о говорящем коте с блокнотом разнеслась по стройке со скоростью песчаной бури. К обеду вокруг Баюна собралась целая толпа. Это был первый в истории человечества стихийный митинг, где оратором выступал представитель семейства кошачьих.

— А если фараон откажет? — спросил один из молодых парней, дрожа от страха.

— Тогда мы объявим забастовку, — просто ответил Баюн.

— Что такое забастовка?

— Это когда вы садитесь на песок, скрещиваете руки и ждёте, пока фараон не поймёт, что пирамида сама себя не построит, а мёртвый фараон без пирамиды — это плохая примета для всей страны.

Рабочие переглянулись. Идея была безумной. Опасной. Но в ней была логика, которая заставила их сердца биться быстрее.

На следующее утро Баюн вошёл в тронный зал. Джосер, утомлённый спорами с Имхотепом о «правильном наклоне ступеней», даже не удивился, увидев на подлокотнике своего трона кота.

— Опять ты? — устало спросил фараон. — Имхотеп говорит, что мои рабочие сегодня утром вышли на работу на час позже и требуют «тентовую защиту от солнца». Это твоих лап дело?

Баюн вальяжно развалился, выставив напоказ свой идеально начищенный ошейник.

— Моих, — подтвердил он. — Им нужно отдыхать. Сытый, отдохнувший и довольный раб строит пирамиду в три раза быстрее, чем изнурённый скелет, который постоянно падает в обморок. Это экономика, Джосер. Пора мыслить как бизнесмен, а не как деспот.

Джосер потёр виски. Его новый маникюр поблескивал в лучах солнца.

— А если я прикажу их выпороть?

— Тогда пирамиду будут строить те, кто останется в живых. И строить они будут медленно, с ненавистью и с постоянными поломками. Тебе нужны камни, которые лягут криво из-за того, что рабочий дрожал от страха?

Фараон замолчал. Он посмотрел на свои идеальные ногти. Потом на Баюна.

— Имхотеп! — позвал он. — Что ты об этом думаешь?

Визирь, который уже успел опробовать мазь Томы и чувствовал себя на десять лет моложе, вышел из тени колонн.

— Мой повелитель, — мягко сказал он. — Этот кот — кладезь знаний, которые нам не снились. Вчера рабочие, получив воду и час тени, уложили на сорок блоков больше обычного. Они смеялись во время работы. Смех — это мощная энергия.

Джосер тяжело вздохнул.

— Ладно. Стройгородок — разрешаю. Палатки — ставьте. Горячую еду — пусть повара готовят. Но сметану...

— Сметана будет, — отрезал Баюн. — Аид уже договорился с поставщиками из далёких земель. Это вопрос эффективности.

Через три дня стройка изменилась до неузнаваемости. Вместо унылых стонов в воздухе звучал гул активной деятельности. Палатки, выстроенные аккуратными рядами, костры, на которых варилась похлёбка, и — что было самым поразительным — рабочие, которые не прятали глаза от страха, а работали с азартом людей, знающих, что их ценят.

Вечером Баюн сидел на вершине недостроенной ступени. Мимо него проходили бригады, возвращавшиеся в лагерь. Они кивали ему. Кто-то даже оставлял кусочек сушёного инжира на краю камня.

— Ты изменил их мир, — сказала Тома, поднимаясь к нему. Она несла чайник, который сейчас издавал тонкий, умиротворяющий свист.

— Я просто навел порядок, — ответил Баюн, записывая что-то в блокнот. — Хаос — это враг любой стройки. А профсоюз — это упорядоченный хаос.

— Ты гордишься собой?

— Я профессионал, Тома. Профессионалы просто делают свою работу. Даже если их лапы не приспособлены к держанию молотка.

Баюн поставил точку в блокноте и захлопнул его.

Он потянулся, выпустил когти, но тут же убрал их, вспоминая Кристину.

Внизу, в лагере, кто-то завёл простую, тягучую песню. И эта песня впервые не звучала как плач. Это было начало великой стройки, которая теперь действительно имела шанс стать вечной.

Баюн записал в блокноте:

«Первый профсоюз в истории Древнего Египта официально зарегистрирован. Рабочие в тонусе. Фараон смирился. Сметана — в процессе логистики. Профсоюз одобряет. Конец рабочего дня».

Книга Амон-Ра, или как заставить жрецов делать французский маникюр.

Пока Аид на стройке занимался тем, что учил египтян физике твёрдого тела, а Баюн просвещал рабов в вопросах трудового кодекса, Кристина и Тома решили, что пора заняться «мягкой силой». Они сидели в тени навеса из папируса, попивая холодную сметану из золотых чаш, и наблюдали за тем, как жрецы храма Амона-Ра совершают подозрительно частые «ритуальные обходы» мимо их чемоданов.

— Они хотят, — лениво сказала Кристина, разглядывая свои идеальные ногти. — Ты посмотри на них. Тот жрец в леопардовой шкуре делает вид, что считает звёзды, а на самом деле сверлит глазами мою пилочку.

— Они все хотят, — Тома, примостившаяся на горе мягких подушек, даже не открывала глаз. — Жрецы, придворные дамы, старшие надсмотрщики, даже тот старый архитектор, который вчера спрашивал, можно ли сделать глаза выразительнее с помощью магического угля.

— В отпуске мы, — вздохнула Кристина. — В законном, оплачиваемом сметаной отпуске. Мы не обязаны спасать Египет от эстетической катастрофы.

— Согласна. Но если мы не дадим им мастер-класс, они не отстанут. Они будут подглядывать, воровать инструменты и, неровен час, приклеят ресницы к носу или пропилят ноготь до кости. А ответственность на нас.

— Значит, делаем мастер-класс, — Кристина решительно захлопнула чемодан. — Но только для элиты. И только за сметану.

Слух о том, что «чужеземки с железными палочками» собираются открыть тайны божественного сияния, распространился по дворцу быстрее, чем новость о повышении налогов. Через час перед навесом собралась толпа, которую не могли бы сдержать даже крокодилы Нила.

Пришли все: верховные жрецы в накрахмаленных лентах, придворные дамы, у которых глаза были подведены настолько густо, что они напоминали енотов, и даже тот самый старый архитектор, который, судя по всему, хотел понять, почему его собственные брови живут своей, никем не контролируемой жизнью.

— Вход по билетам, — объявила Тома, ставя перед собой глиняную миску. — Билет стоит горшок сметаны. Если сметана не первой свежести — доплачиваете золотом.

Жрецы в замешательстве переглянулись, но уже через десять минут очередь из поставщиков «белой радости коз» выстроилась на триста метров.

— Первое правило красоты, — начала Кристина, взойдя на импровизированную сцену из блоков песчаника. — Чистота. Выглядеть божественно, когда под ногтями слой земли со стройки — невозможно. Это осквернение ваших собственных рук.

— Но работа! — воскликнул один из жрецов, чьи пальцы были перепачканы в жертвенной крови.

— Работа — не повод выглядеть как мумия в стадии активного разложения, — отрезала Кристина. — Смотрите.

Она вызвала «добровольца» — высокопоставленного жреца, чей маникюр напоминал запущенный газон. Кристина достала пилочку и начала работать. Движения были стремительными, уверенными, почти хирургическими. Публика замерла. Жрец, опасаясь, что ему отпилят пальцы, не дышал. Но когда Кристина поднесла его руку к солнцу, демонстрируя идеальный край ногтя, толпа ахнула.

— Это магия! — выдохнул жрец.

— Это физика и правильный абразив, — поправила Кристина. — Запоминайте. Кутикула — это не враг. Её не нужно вырезать тупым ножом. Её нужно деликатно отодвигать.

В это время Тома взялась за «глазной фронт».

— Ваша подводка, — сказала она, глядя на главную фаворитку Джосера, — выглядит так, будто её наносили с закрытыми глазами во время песчаной бури. Кто вас учил?

— Мы используем галенит, — прошептала дама.

— Вы используете уголь и невежество. Смотрите.

Тома вытащила пучки ресниц, клей и пинцет. Она работала с грацией богини. Когда дама посмотрела в бронзовое зеркало, она не узнала себя. В зеркале отражалась женщина, чей взгляд мог бы свалить с ног крокодила.

— Я прекрасна... — прошептала она.

— Ты была прекрасна всегда, — ответила Тома, — просто ты не знала, что брови — это не две чёрные запятые на лбу. Брови должны иметь форму, подходящую к овалу лица, а не к очертаниям пирамиды.

Урок превратился в безумие. Жрецы начали спорить о том, какой оттенок сметанной маски лучше омолаживает кожу лица. Архитектор, втиснувшись в первые ряды, с пеной у рта доказывал, что «форма изгиба ногтя должна соответствовать принципам золотого сечения». Писцы Имхотепа, присланные по личному приказу фараона, сбивались с ног, пытаясь зафиксировать каждое движение Кристины.

— Подождите! — крикнул один из писцов. — Мы не успеваем! Как называется этот приём?

— Это «французский кончик», — бросила Кристина. — Запишите: придаёт ногтю вид, будто вы никогда не работали в поле, а только пили вино в тени пальм.

— А это? — спросил другой.

— Это — контурирование лица. Делает ваш нос визуально на два локтя меньше, а скулы острее, чем лезвие копья стражника.

Имхотеп, наблюдавший за этим со стороны, внезапно подошёл к Кристине.

— Эти знания... они не должны исчезнуть вместе с вами. Они слишком важны для истории Египта.

— Запишите их, — пожала плечами Кристина. — Вам не привыкать — у вас тут каждый чих фараона записывают. Обычно в стол. Или в саркофаг.

— Мы не просто запишем, — голос Имхотепа стал торжественным. — Мы создадим свод правил. Мы назовём это «Книгой Амон-Ра: Тайны сияния живых и мёртвых».

Всю ночь во дворце горели факелы. Писцы, дико вращая глазами от недосыпа, рисовали картинки: как правильно держать пилочку, как клеить ресницы, как делать массаж лица, чтобы щеки не провисали под весом грехов. К утру на столе лежал увесистый папирус.

— Ну, посмотрим, — Тома взяла свиток.

«Глава 1: О важности отодвигания кутикулы как пути к просветлению души».

«Глава 2: Почему ресницы длиннее пальцев — признак божественного благоволения».

«Глава 3: Сметана как универсальный эликсир молодости и источник силы для строителей пирамид».

«Глава 4: Почему не стоит красить брови углём, если ты не готов к тому, что они начнут жить своей жизнью».

— Звучит как бред, — сказала Тома.

— Звучит как главный бестселлер сезона, — поправила Кристина. — Через тысячу лет археологи будут сходить с ума, пытаясь понять, почему в «Книге Амон-Ра» инструкции по уходу за бровями занимают больше места, чем молитвы богам.

Баюн, наблюдавший за всем этим из своего угла, довольно записал в блокнот:

«Первый в истории индустрии красоты учебник создан. Авторские права защищены печатью фараона. Спрос на услуги маникюра превысил предложение в десять раз. Фараон Джосер записался на курс „Дизайн ногтей для правителей“. Сметана в избытке. Профсоюз счастлив. Книга Амон-Ра готова к тиражированию».

Чайник, стоявший на столе, довольно свистнул, предвкушая новую партию сметанного крема для следующего занятия. Египет официально перестал быть страной мёртвых и стал страной идеально ухоженных рук.

Книга Мертвых, или как отчет по сметане стал священным писанием.

Пока Кристина и Тома совершали революцию в индустрии красоты, Баюн сидел в самом тёмном углу дворца, обложившись папирусами, и вёл себя как главный бухгалтер империи. Он не любил суету — он любил цифры. А цифры в Египте были сложными: иероглифы вечно путались, писцы вечно ошибались, а фараон вечно хотел построить что-то большее, чем позволял бюджет и здравый смысл.

— Ты чего там строчишь, профсоюзный деятель? — Тома подошла к нему, гремя чайником. — У тебя уже лапа отсохла от этих палочек.

— Рабочие моменты, — ответил Баюн, не поднимая головы. — Учёт. Отчётность. Планирование бюджета. Ты знаешь, сколько уходит на рацион одной смены строителей? А сколько мы теряем на вороватых жрецах, которые решили, что «жертвоприношение богам» — это синоним «съесть за ужином»?

— У нас нет планов, Баюн. Мы — туристы в отпуске.

— У профсоюза всегда есть планы. Даже в отпуске. А ещё у профсоюза есть стратегия развития.

Тома заглянула в блокнот. Бумага была исписана мелким, каллиграфическим почерком, который египетские писцы называли бы «рукой бога». Там значилось:

«День третий. Сметаны добыто: 47 горшков. Израсходовано на рабочих: 12. Украдено жрецами под видом подношений: 3. Использовано на косметические нужды масок для лица: 5. Инвестировано в подкуп стражи: 2. Съедено мной для поддержания энергетического баланса: 15. Остаток: 10. Профсоюз доволен, но требует увеличения нормы производства путём внедрения трёхразового кормления коз».

— Ты воруеть сметану? — Тома подняла бровь.

— Я её распределяю, — отрезал кот, поправив ошейник. — Это принципиально разные вещи. Если бы я её не съел, она бы испортилась на этой жаре. Я спасаю стратегические запасы от деградации.

— Ты съел пятнадцать горшков, Баюн. Ты выглядишь как бочка с усами.

— Это не жир, это запас прочности, — гордо ответил кот. — Я — лидер организации. Я должен выглядеть представительно. И солидно. И чтобы не сдуло ветром из пустыни.

Именно в этот момент из тени вышел Имхотеп. Визирь выглядел так, будто только что открыл формулу бессмертия, но при этом забыл, где оставил свои сандалии. Он подошёл к Баюну и склонился, почти касаясь лбом холодного каменного пола.

— Твои записи... — прошептал Имхотеп, указывая на блокнот. — Это не просто учёт. Это откровение.

— Это профсоюзная отчётность, — Баюн снова попытался отмахнуться.

— Нет! — Имхотеп выхватил папирус, который лежал рядом. — Здесь написано, как организовать жизнь людей, как распределять блага, как наказывать ленивых и поощрять усердных. Здесь рецепты, здесь графики, здесь философия труда. Ты записал то, что другие не замечают. Ты записал, как превратить хаос в порядок.

Баюн посмотрел на свои записи. Действительно, среди расчётов сметаны там были заметки: «Если мастер кричит на рабочего — эффективность падает на 12%. Если мастер даёт рабочему отдохнуть в тени — эффективность растёт на 20%. Смерть — это не конец, это просто смена трудового договора, если знать, как договориться с Анубисом».

— Это просто заметки, — повторил Баюн, уже не так уверенно.

— Это Книга, — торжественно провозгласил Имхотеп. — Книга о том, как жить, чтобы заслужить вечность. Мы перепишем её. Мы назовём её «Книгой Мертвых».

Баюн замер.

— Почему «Мертвых»? Мы же тут про жизнь пишем! Про сметану, про выходные, про технику безопасности! Про то, что коз нужно доить дважды в день, а не когда жрецы проснутся!

— Потому что ты — Баюн. Ты — кот. А коты для нас — священные проводники между миром живых и Дуатом. Твои советы — это то, что нужно душе, чтобы пройти через загробные испытания. Если ты знаешь, как правильно организовать обед на стройке, значит, ты знаешь, как правильно организовать проход через врата Анубиса.

— Это логика? — спросил Баюн.

— Это Египет, — ответил Имхотеп.

Писцы, стоявшие за спиной Имхотепа, уже приготовили кисти и свежий папирус. Они начали переписывать записи кота. Но, так как они были египтянами, они добавили в них

шепотку мистики: «И если душа придёт к воротам, и Анубис спросит: „Где твоя сметана?“, и душа ответит согласно Баюну...»

— Это какой-то сюр, — пробормотала Кристина, подходя к ним с чашкой чая. — Мы создали учебник по маникюру и «Книгу Мертвых» по мотивам кошачьих отчётов о еде. Наш отпуск окончательно вышел из-под контроля.

— Зато посмотри на это, — Тома указала на писцов. — Они так стараются. Они даже спорят о том, сколько сметаны нужно душе для перехода: две ложки или три.

— Мы теперь священные существа, — Баюн довольно потянулся. — Священный кот-директор. Мне нравится этот титул. Теперь за нарушение моих правил будут не просто штрафовать, а отправлять в Ад. А там, как мы знаем, у нас всё схвачено. Аид своих не бросает.

— А если они не нарушали? — спросила Тома.

— Тогда отправлять за невыполнение плана по сметане.

Имхотеп, светящийся от счастья, принёс финальный свиток. Он был огромным, украшенным золотом и драгоценными камнями. Весил он столько, что два жреца еле его несли.

— Это наш подарок, — сказал визирь. — Первый экземпляр.

Баюн раскрыл его. Там было написано: «Раздел 1: О том, как важно не брать лишнюю сметану у жрецов, если хочешь, чтобы весы Маат не дрогнули». «Раздел 2: О том, почему коз нужно доить до восхода, иначе они обидятся и перестанут давать молоко». «Раздел 3: О том, что профсоюз — это святое, и спорить с ним — значит спорить с богами».

— Гениально, — прокомментировал Аид, который как раз вернулся со стройки, вытирая руки от строительной пыли. — У нас в Аду за такое знание продают души. Особенно за раздел про сметану.

— Мы не продаём, — важно ответил Баюн. — Мы внедряем. В массовое сознание.

Кристина усмехнулась.

— Слушай, Баюн, а в книге есть хоть слово о том, как правильно наносить подводку, чтобы даже в загробном мире выглядеть на все сто?

— Сейчас добавим, — Баюн взял перо. — «Раздел 14: И пусть очи твои сияют чёрным углём, дабы врата смерти открылись пред тобою без очереди. Ибо очередь — это самое страшное, что может случиться с душой. Даже хуже, чем налоговая».

Все засмеялись. В этот вечер Египет был не просто страной, которую они посетили. Это была страна, которую они переписали. Они создали культуру, моду, медицину и даже бюрократию — и всё это благодаря «профсоюзному подходу» и божественному любопытству.

Аид сел рядом, взял горшочек сметаны и довольно прикрыл глаза.

— Пирамида будет стоять, — сказал он, глядя на закат, который теперь казался ему не таким уж и чужим. — Имхотеп переделал фундамент, рабочие сыты, книга написана. Мы сделали всё, что могли.

— И даже больше, — добавила Тома. — Мы создали легенду.

Баюн закрыл блокнот. Снаружи, в лагере, рабочие начали исполнять песню, которую, как они верили, продиктовал им сам Кот-Пророк.

— Нормально, — подумал Баюн. — Работаем. Но сметану на завтра всё-таки надо заказать пораньше. И коз проверить. Они в последнее время подозрительно хитрые.

Он записал последние иероглифы:

«Книга Мертвых официально опубликована. Издатель: Профсоюз. Автор: Баюн. Голос: пожизненный запас сметаны с ежедневной индексацией. Анубис в курсе. Возражений не поступило. Конец главы».

Чайник свистнул — тихо, глубоко, как старый мудрец, который знает, что история — это просто очень длинная смена на стройке, а финал зависит только от того, кто ведёт протокол.

Подземелья Первородных, или Профсоюзная тайна веков.

Вечер опустился на Гизу с неожиданной тяжестью. Солнце, будто испугавшись чего-то, спряталось за горизонт, оставив небо в лиловых, болезненных разводах, напоминающих синяки после неудачной налоговой проверки. Стройка затихла. Тысячи рабочих, накормленные благодаря профсоюзной реформе Баюна, спали в своих палатках, и тишина в лагере была почти неестественной. Герои собрались у костра, но привычного уюта не было. Баюн пропал.

— Три часа, — Кристина нервно сжимала в руках пилочку, глядя в темноту. — Три часа! Кот не может искать сметану три часа, если он не пошёл за ней в другую провинцию.

— Может, нашёл элитный сорт? — Аид пытался сохранять спокойствие, но его взгляд, направленный в сторону храмового комплекса, был тяжёлым. — Или, что вероятнее, нашёл приключения на свой хвост.

— Или его нашли, — Тома поднялась, отставляя чайник. Тот издал жалобный, почти человеческий стон. — Крокодилы, жрецы, провалы в пространстве... Мы в Египте, здесь закон сохранения энергии работает через пень-колоду. Идём.

Они двинулись в сторону храма. Ночной Египет выглядел как декорация к фильму про конец света: тени колонн тянулись на сотни локтей, а луна, повисшая прямо над вершиной пирамиды, казалась не небесным телом, а гигантским зрачком, пристально наблюдающим за ними.

Тем временем Баюн, провалившись в дыру, которую он по глупости принял за «вход в подвалы со сметаной», осознал, что находится глубоко под фундаментом пирамиды. Здесь воздух не пах пылью — он пах озоном, древней бумагой и чем-то до боли знакомым. Ванилью и домашним теплом. И, кажется, немного — белорусским печеньем, которого в Египте не было и быть не могло.

— Это не Египет, — пробормотал он, осторожно ступая по полу. Стены здесь не были сложены из блоков. Они были вырезаны из цельного чёрного камня, который поглощал свет факела, но при этом светился иероглифами изнутри. — Иероглифы... они похожи на санскрит, но с элементами готики? И немножко... минского?

Он шёл по коридору, стены которого вибрировали. Казалось, сама пирамида дышит. В конце коридора была дверь. Она не была заперта — она была забыта. Баюн толкнул её, и она отворилась с тихим вздохом, словно здание проснулось от многовекового сна.

За дверью был зал, размером с целое царство. В центре, на алтаре, сидела Она.

Мумия. Но не та, что лежат в музеях — сухие, серые кости в бинтах. Эта была почти живой, облачённой в ткани, которые не истлели за тысячи лет. Вместо глаз — пустота, но Баюн чувствовал, как этот взгляд пронзает его насквозь, читая его блокнот, его мысли и даже его тайные мечты о бесконечной миске сливок.

— Кто ты? — голос Баюна прозвучал как писк в пустом соборе. — Я — Баюн, Председатель Профсоюза. Я не пришёл грабить. Я пришёл по делу. По профсоюзному.

Мумия зашевелилась. Звук сухих бинтов напомнил шелест страниц. Она подняла руку и указала на свитки. Баюн подошёл. На алтаре лежали тысячи папирусов, но рядом с ними стояла обычная банка с крышкой, подозрительно напоминающая ту, что продавали в Минске в девяностых.

— Рецепт? — Баюн развернул свиток. Его глаза округлились. — Это «Устав по охране труда при производстве молочнокислых продуктов»? На кириллице? С пометками на полях? «Не перегревать, не пересаливать, не давать жрецам»?

В этот момент за спиной раздались шаги. Кристина, Тома и Аид влетели в зал, готовые к бою, но остановились, поражённые увиденным.

— Баюн! — Тома подбежала к коту. — Ты зачем нас пугаешь?!

— Тсс! — шикнул кот. — Смотрите.

Аид подошёл к мумии. Он, как никто другой, разбирался в мёртвых. Он обошел алтарь, пригляделся к символам на стене.

— Это не Египет, — тихо сказал владыка Ада. — Это хранилище. Место, где хранились чертежи реальности, прежде чем её спроектировали.

— А мумия? — Кристина указала на фигуру.

— Это не мумия, — Аид коснулся её плеча. — Это Архив. Она не умерла, она записала всё, что было до нас, и охраняет то, что будет после.

Хранительница медленно наклонила голову. Она не была богиней — она была чем-то гораздо более древним. Она указала на свитки, которые описывали правила, нормы, законы — от законов физики до правил идеального маникюра, и все они были записаны так, что их понимали даже кошки.

— Она ждала, — прошептала Тома. — Она ждала тех, кто сможет прочитать это.

— Кого? Нас? — удивилась Кристина.

— Нас, — Баюн указал на записи в своём блокноте. — Мы начали переписывать правила. Мы начали менять этот мир. И она... она была сервером, на котором хранилась резервная копия. Википедия древности.

Баюн взял один свиток. «О том, как ухаживать за собой, чтобы даже после смерти кожа была как у младенца».

— Она знала, что мы придём, — Баюн посмотрел на Хранительницу. — Она видела нас в своих снах.

— И в профсоюзных отчётах, — добавил Аид.

— Мы заберём это? — спросила Тома.

— Мы заберём копии, — сказал Аид. — Оставьте оригинал здесь. История не любит, когда её крадут целиком. А налоговая — тем более.

На выходе Кристина обернулась. Хранительница сидела неподвижно, но в глубине её пустых глазниц вспыхнул мягкий, золотистый свет. И показалось, что она улыбнулась. Или просто бинты съехали.

— Мы сохраним тайну? — спросила Кристина.

— Мы сохраним цивилизацию, — ответил Аид.

— А сметану?

— Сметану мы съедим. Это не обсуждается.

Когда они вышли наружу, небо уже начало сереть. Пирамида возвышалась над ними, теперь уже не как памятник тщеславию, а как гигантский маяк, связывающий их с тем, что было до начала времени.

Баюн, уставший, но торжествующий, открыл блокнот. Лапа его дрожала.

«Запись №1000. Найдены Залы Первоисточников. Подтверждено: наш мир — это проект, требующий регулярного техобслуживания. Профсоюз берёт на себя роль отдела контроля качества. Хранительница принята в штат. Сметана — это не просто еда, это универсальный код доступа к реальности. Завтра — великий день. Работаем».

Чайник, который Тома несла в руках, внезапно запел — не свист, а настоящую мелодию, которую когда-то пели в далёких, ещё не созданных мирах. Мелодия была похожа на «Купалінку», но с примесью чего-то космического, древнего и очень сметанного.

ГЛАВА 4. СФИНКС, ИЛИ «КРАСОТА СПАСЕТ ВЕЧНОСТЬ»

Анубис и архитектурный бьюти-тюнинг.

Утро после ночного похода в Залы Первородных выдалось таким, будто боги решили проверить героев на прочность. В воздухе висело марево, пахло озоном и жжёным папирусом. Баюн, обычно первым вскакивавший с первыми лучами солнца для инспекции молочных запасов, лежал на подушке, раскинув лапы, и издавал звук, подозрительно похожий на работу заглухшего трактора «Беларусь». Чайник на коленях у Томы молчал — похоже, он тоже ушёл в глубокий анабиоз после встречи с Хранительницей.

— Вставайте, — Аид, единственный, кто выглядел бодро (видимо, отдых в Аду приучил его к жизни в условиях вечного стресса и хронического недосыпа), стянул с Кристины одеяло. — Анубис ждёт. И он настроен по-деловому.

— У него работа, у нас — отпуск, — пробормотала Кристина, пытаясь нащупать подушку. — Почему мы вообще должны консультировать бога смерти по вопросам ландшафтного дизайна?

— Потому что, если мы не проконсультируем его сейчас, завтра он решит, что Сфинксу нужны рога или, не дай бог, копыта, — отрезал Аид. — И нам придётся переделывать всё Египетское нагорье.

— У него есть бюджет? — спросил Баюн, не открывая глаз.

— У него есть вечность.

— Вечность — это не бюджет. Это бесконечная рассрочка. Профсоюз это не устраивает.

Анубис ждал их в тронном зале. Он был непривычно собран. Его когти, доведённые Кристиной до совершенства, поблескивали в утренних лучах. Он не сидел — он мерил зал шагами, как заказчик, у которого горит дедлайн и который уже три раза переделал дизайн-проект.

— Вы нашли подземелья, — начал он без приветствий. Голос его вибрировал, как натянутая струна. — Вы видели то, что скрыто от глаз смертных. И вы вышли оттуда живыми. С чемоданами.

— Мы не просто вышли, мы принесли отчётность, — Баюн, уже пришедший в себя и выглядящий подозрительно свежим для существа, проспавшего три часа, важно запрыгнул на трон. — Профсоюз требует гарантий безопасности найденных артефактов. И долю от будущего туристического потока.

— Именно, — кивнул Анубис, пропустив мимо ушей слово «туристический». — Я хочу поставить Сфинкса. Гигантского стража. Который не пропустит никого, кто не обладает... чистотой помыслов и эстетическим чувством.

— И загадками, — добавил Аид. — Без загадок Сфинкс — просто статуя. Очень большая. Очень каменная. Очень скучная.

— Загадки будут, — Анубис оскалился. — Я придумаю их сам. Они будут сложными. Например: «Кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером — на трёх, и при этом у него всегда идеальный педикюр?»

— И кто? — спросил Баюн.

— Человек, — с гордостью ответил Анубис.

— А при чём тут педикюр?

— Потому что я так сказал. Это загадка. Она не должна быть логичной.

Аид вздохнул так, что задрожали светильники.

— Боги не умеют придумывать загадки, Анубис. У вас нет чувства меры. Вы либо даёте загадку уровня «скажи, кто я», либо «сколько песчинок в пустыне, если учитывать погрешность ветра?». Это не загадки, это издевательство над логикой. И над туристами.

— Это оскорбительно, — заметил Анубис, но без прежнего напора.

— Это диагностика, — ответил Аид.

Тома, уставшая от споров, достала свой блокнот для эскизов.

— Загадки — это инструмент, — сказала она. — Если мы хотим, чтобы Сфинкс был не просто «охранником», а символом, он должен быть безупречен. Анубис, а он будет... красивым? Ресницы, брови, вот это всё? Контуринг? Маникюр на лапах?

Бог смерти на мгновение задумался, глядя на свои идеальные когти, которые отражали свет, как маленькие зеркала.

— Он — лицо Египта. Символ мудрости. Мудрость не может быть некрасивой. Вы делаете его... привлекательным? Чтобы даже боги завидовали?

Кристина переглянулась с Томой. В глазах «бьюти-команды» загорелся азарт, от которого у Аида по спине пробежал холодок. Он видел этот взгляд раньше. На Луне. Тогда это закончилось икорным кризисом и бунтом херувимов.

— Мы сделаем его самым красивым существом в истории этой планеты, — пообещала Кристина. — Нам нужны лучшие каменотесы, золотая пыль, охра для контуринга и... десять бочек самой качественной сметаны.

— Для чего? — спросил Анубис, начиная подозревать неладное.

— Для увлажняющего состава, — не моргнув глазом, ответила Кристина.

— Который мы нанесём на камень, — добавила Тома.

— Зачем сметана на камень?

— Чтобы камень «дышал» и сиял, — соврал Баюн, быстро записывая в блокнот: «Сметана для Сфинкса — стратегический запас на непредвиденные нужды профсоюза. К ответу не привлекать».

Анубис задумался. Надолго. Так задумываются только боги, которые понимают, что их разводят, но не могут доказать.

— Ладно, — сказал он. — Сметана будет. Но если Сфинкс запахнет прокисшим молоком, вы будете отвечать.

— Не запахнет, — пообещала Кристина. — Мы добавим ароматизаторы. Лотос. Папирус. Вечность.

К вечеру эскизы были готовы. Сфинкс, каким его видели Кристина и Тома, получился величественным существом. У него были чётко очерченные скулы, идеально симметричные брови, глубокие, «живые» глаза с длинными, густыми ресницами и выражение лица, которое говорило: «Я знаю все тайны мироздания, но сейчас я занят раздумьями о вечном». И, возможно, о сметане.

— Это шедевр, — прошептал Анубис, глядя на набросок. — Он выглядит так, будто собирается спросить у тебя не загадку, а почему ты до сих пор не используешь крем для век.

— В этом и смысл, — кивнула Тома. — Страх перед неизвестным — это одно. А страх выглядеть нелепо перед идеалом — это совсем другой уровень контроля.

— Психология, — добавила Кристина.

— Маркетинг, — поправил Баюн.

— Всё вместе, — подвёл итог Аид. — Вы только что создали первого бьюти-гиганта древности. Поздравляю.

Анубис посмотрел на эскиз, потом на свои когти, потом снова на эскиз.

— Я поставлю его над входом, — решил он. — Он будет смотреть на восток. Встречать солнце и проверять, кто достоин войти.

— А если кто-то не достоин?

— Тогда он задаст загадку. И если ответ будет неверным...

— Что? — спросил Баюн.

— Съест.

— Кого?

— Неправильный ответ. И спрашивающего заодно.

— Жестоко, — заметил Аид.

— Эффективно, — ответил Анубис.

Баюн, довольно урча, открыл блокнот.

«Запись №1001. Проект „Сфинкс“ утверждён. Техзадание: эстетическая безупречность, охрана объекта, глубокий психологический анализ посетителей. Оплата: сметана, признание, статус почётных архитекторов вечности. Профсоюз требует золотую миску у подножия — в качестве переговорного пункта и места для отдыха».

— А мы можем входить? — спросил Баюн.

— Вы — можете, — кивнул Анубис. — Вы свои.

— А сметану можно брать?

— Сметану — только свою.

— Договорились.

Анубис ушёл. Кристина и Тома остались смотреть на эскиз.

— Он будет стоять вечно, — сказала Кристина.

— И он будет самым красивым существом в мире, — добавила Тома.

— Потому что за его внешность отвечает профсоюз, — закончил Баюн.

Чайник издал победный, ликующий свист. Его услышали даже звёзды над пирамидами. И, кажется, где-то в пустыне, в Залах Первородных, Хранительница кивнула.

Франшиза «Амон-Ра», или Как построить пирамиду с маникюром.

Слухи о том, что чужеземцы превращают стройку в салон красоты, распространились по дворцу со скоростью лесного пожара. Если бы в Египте росли леса, а не только пальмы, они бы уже сгорели дотла. Джосер, фараон с идеальным маникюром и нездоровым блеском в глазах, перестал интересоваться политикой. Он приказал немедленно доставить «архитекторов стиля» в тронный зал.

Когда герои вошли в зал, их встретила атмосфера, которую можно было описать как «напряжённое ожидание развода». Джосер сидел на троне, постукивая по подлокотнику пальцами, чьи края теперь были отполированы до зеркального блеска. Он ждал. Он был готов торговаться.

— Вы совершили невозможное, — начал фараон. Голос его эхом отразился от колонн. — Жрецы выглядят так, будто они только что вышли из загробного мира, где все всегда молоды и правильно питаются. Архитекторы больше не спорят о наклоне блоков — они спорят о том, какой тон пудры лучше сочетается с известняком. Вы создали культ.

— Мы создали стандарты качества, — поправила его Кристина, скрестив руки на груди. — Это разные вещи. Культ требует жертв. Стандарты требуют отчётности.

— Стандарты — это хорошо, — Джосер подался вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота. — Но мне нужно больше. Моя пирамида строится, но рабочие... они выглядят как грязь. Они ноют, ломают инструменты, смотрят на меня так, будто я их личный враг. Я хочу, чтобы они работали как боги. Я хочу, чтобы каждый раб, таскающий блок, выглядел так, будто он участвует в параде, а не в каторге.

— Ты хочешь, чтобы рабы делали маникюр? — Аид издал смешок, от которого у стражников в дверях затряслись копья. — Ты понимаешь, что медное долото и свежий лак — вещи несовместимые? Лак облезет на втором блоке.

— Я хочу, чтобы они были чистыми! — рявкнул Джосер, стукнув кулаком по подлокотнику. — Чистый раб — это довольный раб. Довольный раб — это скорость. Скорость — это моя близость к богам!

— Мы в отпуске, — напомнила Тома, поглаживая бок своего верного чайника. — В бесконечном, оплачиваемом сметаной отпуске. Обучение персонала не входит в наш пакет услуг. Даже в премиумный.

— Я заплачу, — отрезал фараон. — Золотом. Серебром. Титулами. Хотите стать визитерами?

— Нам нужна сметана, — Баюн, сидевший на полу и вылизывающий лапу, поднял голову. — И не те жалкие остатки, что вы приносите жрецам. Нам нужны регулярные поставки высшего сорта. С жирностью не ниже двадцати пяти процентов.

Джосер помрачнел. Он щёлкнул пальцами, и в зал вошли слуги, поднося подносы, заставленные горшками. Сметана была... ну, скажем так, «египетского качества». Густая, но с комочками. Жирная, но с кислинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.